ИДЕАЛЬНЫЙ ГЕНОМ
Наталья Ташинская
ОПРОКИНУТОЕ НЕБО
с иллюстрациями Елены Бонк
18+

Наталья Ташинская

Опрокинутое небо

«Автор»

2019

Ташинская Н.

Опрокинутое небо / Н. Ташинская — «Автор», 2019

ISBN 978-5-0050-7337-2

К началу XXII века человечество все-таки убило свою планету. Жалкие остатки цивилизации выживают в подводных городах, и с каждым годом надежда вернуться на поверхность становится все призрачней…Он – рядовой чистильщик из гетто и больше всего на свете ненавидит бойцов службы безопасности, устроивших в городе террор.Она – тот самый генно-модифицированный боец и терпеть не может тупых гражданских.Драться за шанс вернуть планету людям им придется плечом к плечу.

ISBN 978-5-0050-7337-2

© Ташинская Н., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Часть 1. Тайна провала Гелероу 6
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Наталья Ташинская
Опрокинутое небо

Посвящается моему отцу,
придумавшему эту историю.

Часть 1. Тайна провала Гелероу

– К стене! Освободить проход!

Илья, бросив взгляд на темный зрачок камеры, оглянулся. Улица пока была совершенно пустой, если не считать сидящего неподалеку на куске картона старика: тот сплюнул на грязный пол и поплотнее завернулся в рваное одеяло, но вставать не стал. Илья дернул плечами (была охота получить разряд из тазера!), развернулся и выполнил приказ, упираясь руками в прозрачный пластик. Зеленая биомасса неохотно колыхнулась и опять замерла, подернувшись едва заметной рябью рядом с ладонями.

Через пару минут послышался приглушенный звук шагов, и Илья, не удержавшись, обернулся, пытаясь разглядеть, что происходит за спиной. И тут же скривился, отворачиваясь к стене.

Служба Безопасности Города. Самая секретная и закрытая структура, обросшая множеством мифов и легенд, найти в которых зерно истины сложнее, чем дождаться морского черта, который сам приплывет к нижнему шлюзу, посветит фонариком и запросится на сковородку. Разное о них болтали: что всех бойцов спецподразделения выращивают в инкубаторах; и что рождаются они уже взрослыми, готовыми к использованию в качестве тупого пушечного мяса; про камеры в глазах и выскакивающие из рук ножи; что не чувствуют боли и голыми руками могут разорвать человека. Поговаривали еще, что все они прошли генную модификацию, и людьми являются только де-юре, а де-факто – не пойми кем. С последним утверждением спорить было сложно: Илья видел, как двигается человек в черной форме, такую пластику движений и скорость реакции он раньше не встречал. И предпочел бы дальше не встречать – лучше одному на косатку охотиться пойти, чем перейти дорогу безопасникам.

Люди официальному названию СБ предпочитали другое, более емкое и точное: падальщики. Не отягощенные моралью и глупым гуманизмом, они появлялись тогда, когда обычная полиция не справлялась или не хотела справляться. Работали быстро и исчезали, не обращая внимания на то, что осталось за ними, как щитом прикрываясь лозунгом: «Безопасность Города превыше всего».

Три человека быстро прошли мимо и свернули к лифтовому блоку. Рядом с ними летел, слегка шумя антиграв-подложкой, небольшой полупрозрачный бокс: медицинская люлька-инкубатор для транспортировки новорожденных.

Это было плохо. Закон «генетической чистоты» был принят больше сотни лет назад, еще в старом надводном мире, и его нарушение каралось куда серьезнее банальной кражи или убийства. К концу двадцать первого века человечество заменило естественный отбор повальной генной модификацией, пытаясь предотвратить большую часть возможных заболеваний еще на стадии эмбриона, и вполне в этом преуспело, заодно обязав население получать разрешение на рождение каждого ребенка. Некоторым везло, как им с сестрой, гены родителей не несли никакой «сломанной» информации, и тогда «бэби-карту» получить было легко. Но жизнь под водой, тяжелая работа и плохая еда никак не способствовали улучшению изуродованного еще на поверхности генофонда, и чистая генетическая карта встречалась редко, куда чаще требовалось вмешательство специалистов, а оно стоило денег. Которых у обитателей их сектора не было.

А если учесть небольшие размеры Города и предельную – больше миллиона – численность населения, становилось понятно, что рано или поздно неконтролируемое размножение приведет либо к перенаселению, либо к критическому количеству больных, не способных работать. Несмотря на все разумные доводы, люди пытались обойти запрет, надеясь, что родится здоровый ребенок и, главное, что его удастся спрятать. Последнее получалось редко, куда чаще приходили падальщики.

– Вот такая хреновая жизнь, – пробормотал старик, провожая взглядом безопасников.

– Какая есть, – меланхолично отозвался Илья, поворачиваясь к собеседнику.

Старик сидел неподвижно, безвольно уронив тонкие, с синими нитками выступающих вен руки. Сам он был такой же высохший, с желтой пергаментной кожей и мертвыми глазами с потерявшейся за расползшимся зрачком радужкой. Илья, поморщившись, отвернулся. Да зачем им падальщики, местные и сами успешно сокращали свою популяцию. Лет старику могло быть как семьдесят, так и сорок, а может, и меньше – не время потрудилось над иссохшим телом, а «мурена». Маленькие, почти бесцветные драже охотно убивали тело, не забывая мозг, параллельно даря пару часов забвения. Полиция с куда большим энтузиазмом следила за генной чистотой населения и лояльностью к установленным порядкам, чем за наркотиками, искренне считая самоубийство делом личным.

Отмены приказа не было – похоже, копы развлекались. Или просто чай ушли пить – подумаешь, стоит парень какой-то, еще постоит, не развалится. Илья запрокинул голову. На потолке не росли водоросли, и сразу за щелями воздухозаборника начинался давно побуревший от времени пластик, о чьей далекой юности напоминали только бледно-голубые трещины. Местами пластик отслоился, а кое-где и вовсе повис длинными лохмотьями, обнажая каркас. Наверное, когда Город строили, старались сделать красиво, думали о тех, кому тут придется жить, но сейчас никого не волновало, как уберечь жителей от депрессии, успешно нивелировав тягу к прекрасному десятичасовыми рабочими сменами.

В Верхнем Городе все было куда приличнее: высокий потолок на уровне пятого этажа, не ниже, искусственное солнце работает без перерывов, даже ночью освещение меняется, и тогда голубой свод темнеет, расцвечиваясь маленькими светлячками звезд. На нижних ярусах такой ерундой не заморачивались.

– Можете продолжать движение, – смилостивился механический голос.

Выбор, куда можно было продолжить движение, был не таким большим: жилой модуль, спортзал на соседней улице, пара баров поблизости. После рабочей смены хотелось лишь доползти до дома и упасть, что Илья и собирался сделать, но встреча с падальщиками планы слегка скорректировала. Любопытство оказалось сильнее усталости.

Узнать последние сплетни можно было только в одном месте. В официальных новостях ему в лучшем случае расскажут про последний улов охотников и урожай криля на ферме. А узнать, что случилось, было надо. Вот кому в голову пришла идея спрятать ребенка? Хотя в Нижнем Городе можно спрятать даже субмарину – на некоторые улицы полиция лишний раз соваться не рисковала – но человек же не лодка! Ему документы нужны, еда, одежда, из дома выходить, в конце концов! И хорошо, если родители сами решили отдать, а если нет? Если безопасники забрали силой? Родителей (конечно, если те выжили после встречи с падальщиками) ждут исправительные работы, а для остальных жителей сектора могут быть разные варианты: от повальных проверок до ограничения допуска на верхние этажи. Последнее было бы совсем некстати – в гильдии охотников открылись вакансии, и Илья на днях подал заявку. Обидно не попасть на собеседование из-за чьей-то глупости.

Илья недовольно пнул пустую банку, отправляя ту поближе к мусоросборнику, и свернул за угол здания с красным фонарем. Уборкой на нижних этажах жителей не баловали, хорошо, если раз в неделю проедет недовольно поскрипывающий уборщик и сгребет мусор в кучу. Хотя «Веселая аллея» была почище остальных улиц, хозяева заведений пытались следить за порядком, создавая некое подобие цивилизации.

Квартал развлечений был единственным местом во всем Городе, где можно было застать и клерков с верхних этажей, и расслабляющихся после дежурства полицейских, и работяг, поднакопивших денег на незамысловатые, зато вполне легальные удовольствия. Казино, бордели, просто бары – на любой вкус и кошелек, начиная от вполне престижных, почти элитных заве-

дений, и заканчивая откровенными дешевыми забегаловками, в которых заказывать выпивку рисковали только самые отчаянные, давно наплевавшие на свою печень.

Полупрозрачная девица игриво обернулась через плечо и подмигнула, так соблазнительно изогнувшись, что в первую очередь возникал вопрос о наличии у той ребер и других, по большому счету, не нужных голограмме органов, и лишь в десятую можно было заметить рекламируемые прелести. Илья шагнул свозь красотку, рассыпав ту на пиксели, и остановился у ближайшего входа.

Это заведение было посолидней и подороже соседних, даже дверь вполне успешно притворялась деревянной, хотя настоящие деревья росли только в оранжерее, и пустить их на доски никому бы и в голову не пришло: основным строительным материалом в Городе был получаемый из водорослей пластик. Маленькая, с ладонь, голограмма девушки в расшитом яркими цветами кимоно улыбнулась и слегка наклонила голову, приветствуя. Илья улыбнулся в ответ, толкнул дверь. Негромко звякнул колокольчик.

– Астахов! Где ты шляешься!

– А где я шляюсь? – удивился Илья, оборачиваясь.

Номера с «услугами» были на втором этаже, а большую часть первого занимал уютный бар с диванчиками, тонконогими столиками и длинной стойкой, инкрустированной темным псевдо-деревом. За крайним столиком, спрятавшимся за пирамидальным светильником, махал руками невысокий парень, смешно выпучив невзрачно-льдистого цвета глаза, обрамленные такими же бесцветными, как и волосы, ресницами.

– Привет, Ян. – Илья опустился на диван. – Чего вопишь?

– А ты чего опаздываешь?

– Куда? – не понял Илья. – Ты опять за компом пересидел и у тебя процессор задымился?

Ян обиженно засопел и ткнул рукой куда-то себе за спину, но пояснить, что значит эта пантомима, не успел. Илья обернулся к барной стойке и приветливо махнул рукой маленькой кудрявой брюнетке, старательно расставляющей на полке пузатые бокалы.

– Привет, Вик! Есть что-нибудь пожевать? И пиво.

Хозяек заведения он знал давно, они были первыми, с кем он умудрился познакомиться в Нижнем Городе. Почти двенадцать лет назад он забрел в квартал развлечений с разбитыми в кровь кулаками и лицом – местным подросткам не понравился новичок. Может, он слишком сильно выделялся, и местные сразу распознали в нем чужака, а возможно, здесь было принято так приветствовать гостей. Тогда причины его не волновали, он просто брел по улице, пытаясь унять злые слезы и понимая, что заблудился окончательно, и не помнит, где находится их новый дом. С тех пор много воды утекло, Илья научился не убегать и бить первым, крепко запомнив, что от классического бокса драку на улице отличает отсутствие любых правил. И приветствовать противника совсем не обязательно.

Подобрала его тогда Хелен, обругав за закапанный кровью пол, а Вики разохалась, моментально притащила мокрое полотенце и чашку сладкого до приторности какао. Более разных людей, чем хозяйки «Йоко», представить было сложно. Тихая и улыбчивая Вики вечно жалела маленького Илью, пытаясь подсунуть то шоколадку, то большой бутерброд с тунцом. Шумная и громкая Хелен, железной рукой руководящая борделем, никогда не снисходила до видимого сочувствия, но именно она, когда Илья в шестнадцать, едва получив карточку совершеннолетнего, остался один с маленькой сестрой на руках, помогла оформить опекунство и взяла работать на кухню. А потом устроила в гильдию чистильщиков младшим техником. Хотя это только называлось солидно – техно-дайвер, – а так уборщик и уборщик, одна разница, что не в Городе, а под водой.

– Илюх, ну ты вообще в батискафе, – дернул его за руку Ян. – Ты новости совсем не смотришь, что ли?

Илья наконец посмотрел за спину приятеля, заодно отметив про себя, что бар непривычно заполнен людьми – вроде не выходной сегодня. На огромном экране закрутился голубой вихрь заставки новостной программы, и Вики, поставив перед Ильей кружку с пивом и тарелку, включила звук.

– …К сожалению, экспедиция не принесла радостных новостей…

Илья отставил в сторону кружку и водрузил локти на стол – он совсем забыл, что на дворе середина января, самый разгар лета в южном полушарии. Остальные посетители бара притихли, жадно всматриваясь в мелькающие картинки.

Пятидесятая ежегодная экспедиция вернулась вчера вечером, чтобы в очередной раз сообщить жителям гидрополиса, что наверху лучше не стало. Все та же безжизненная серая пустыня, неласковая, всем своим видом показывающая, что здесь только умирать хорошо, а жить не стоит. Тяжелые тучи почти ложились на плечи оператору, а под ногами закручивался спиралями по черной поверхности пепел. Грязно-серый туман висел рваными хлопьями, мешая рассмотреть сушу, но и так было ясно, что все плохо. Особенно расстраивал экран дозиметра: уровень радиации был не смертельным, сразу не убьет, но все равно слишком высоким, а главное – стабильным, не меняющимся последние лет пять.

– Чего она не опускается, – возмутился Ян. – Должна!

– Кому должна? – недовольно откликнулся Илья. – Она у тебя занимала?

– Семьдесят три года уже прошло! – не поддался на провокацию Ян. – Послушай, я тут посчитал…

– Сделай милость, помолчи, а?

Ян открыл рот, даже не планируя внять совету, но Илья демонстративно отвернулся к экрану, где одна черно-серая картинка сменяла другую, такую же, соревнуясь лишь в оттенках мрачности. На фоне изумрудных стен бара вид обожженной пустыни даже не кричал, а вопил изо всех сил – жизнь есть только тут, на дне океана, среди этих стен, где в прозрачном пластике плавает генерирующая кислород биомасса из водорослей.

К началу двадцать второго века человечество совершило технологический прорыв, базы землян появились на Марсе и Титане, велась добыча полезных ископаемых на Луне, а на орбите Венеры прочно обосновались научные базы. Но главное – ученые смогли обуздать гравитацию, что давало робкую надежду на то, что и до дальних звезд можно будет дотянуться. Последнее было совсем не лишним – плотность населения на старушке Земле была такая, что легендарные селедки из бочек могли бы с уверенностью сказать, что у них-то свободно, почти пустыня. Исчерпав резервы суши, человечество вспомнило, что у него слишком много места под водой зря пропадает, и гидрополисы объявили чуть ли не панацеей от перенаселения.

Не помогло. Планета не выдержала первой. 23 июля 2109 года принято считать первым днём Великой Катастрофы. День, когда активизировались первые вулканы на Вануату – тогда это было даже весело, и толпы любопытствующих прилетели посмотреть на шикарные огненные фонтаны, тем более, что извергались они регулярно, – но следом отозвались Индонезия и Гавайи. Затем – Йеллоустоунская кальдера. А дальше началась цепная реакция. За первые полгода была уничтожена почти половина населения планеты. Цунами, землетрясения, мегатонны вулканического пепла в атмосфере, и главное, техногенная катастрофа. На планете было слишком много химического производства, в результате выброса всякой дряни в атмосферу уровень хлорфторметана превысил все разумные значения, и озоновый слой не выдержал. Огненная волна прошла по планете, выжигая все на своем пути, и некогда голубой шарик стал серым от пепла. Человечество оказалось не готово к катастрофе такого масштаба.

С последним поселением людей на поверхности связь пропала через пять лет. Точно было известно лишь о семи уцелевших подводных городах, одним из которых был их, на дне Кергеленского плато, между Австралией и Антарктидой. Соседи тоже были в южном полуша-

рии – ему досталось меньше, основной удар приняло на себя северное. Остались ли выжившие наверху, никто не знал.

Аналитики оптимистично прогнозировали, что лет двадцать – двадцать пять, и планета начнет очищаться, но что-то пошло не так. Пролетели первые тридцать, за ними еще двадцать, а планету все еще штормило. Озоновый слой не восстанавливался, и поверхность от окончательного обугливания спасал только парниковый эффект: из-за резко подскочившей температуры мировой океан начал интенсивно испаряться, и небо навсегда заволокло тучами. В последнее время стало меньше огненных смерчей и уровень солнечной радиации немного упал – вот и весь прогресс. За первые сорок лет планета растворила в своих недрах последствия неуклюжей деятельности человека, но атмосфера так быстро сдаваться не желала, соединения хлорфторметана могли болтаться за облаками вечно, им даже опадать некуда было. Замкнутый круг: пока атмосфера не очистится, озоновый слой не восстановится, а пока он не восстановится – та не очистится.

Все это Илья проходил еще в школе, как и то, что сейчас аналитики были более осторожны в своих оценках: еще лет пятьдесят точно придется прожить под водой. Починится ли планета за это время, непонятно, но ресурс Города истощится, и выбраться наверх все-таки придется.

– А я говорю, здесь что-то не то! – заявил Ян, крутанув в руках вилку.

– Однозначно, – согласился Илья. – Нам все врут. А зачем, не знаешь?

Картинка на экране рассыпалась на пиксели, сменившись голубоватым вихрем, и тут же вспыхнула надпись:

«Безопасность Города превыше всего!»

Способность Яна видеть мировой заговор под любой ракушкой была давно известна, но почему-то сегодня она раздражала больше обычного. Может, дело было в плохих новостях с поверхности и во встреченных падальщиках, а может в том, что Илья только что отпахал десять часов на очистке городского коллектора и просто хотел посидеть с пивом. Желательно в тишине, а не занимаясь поисками мифических врагов.

– Тут проще всех контролировать! – тут же воодушевился Ян. – Нет, ну ты сам подумай…

Илья негромко застонал и закрыл глаза. Потер согнутым пальцем переносицу – голова была просто чугунная. Не помогло, бешеный энтузиазм приятеля никуда не делся, и громкий шепот вворачивался в мозг раскаленным шурупом. Они были знакомы лет десять из прожитых Ильей двадцати шести, и желание прибить этого параноика возникало не реже, чем раз в месяц – исключительно из гуманных соображений, чтобы тот не мучился.

Ян не унимался, голова тоже, и Илья потер нос сильнее, надавливая на горбинку, память об одной из уличных драк. Рассеченная бровь тоже была платой за право ходить по улицам Нижнего Города. Но самый толстый шрам, украшающий руку от локтя до кисти, получен, как ни странно, не в драке, а на вполне мирной работе чистильщика: глупо напоролся на торчащий острый прут.

Порезаться под водой было страшно по многим причинам: и кровопотеря сразу большая, и запах крови работает как приглашение к завтраку для всех плывущих по своим делам хищников, но с этим еще можно было что-то сделать, а с законом Бойля-Мариотта – сложно. На глубине двух километров выжить можно в батискафе или огромном, неуклюжем скафандре, можно и в тонком, всего пять миллиметров, гидрокостюме, при условии, что антиграв-защита работает как надо. Но острый штырь, вспоров ткань комбинезона и мышцы на руке, разрушил и тонкую паутину, защищающую водолаза от массы воды, что давит сверху. Спас его напарник, успевший толкнуть теряющего сознание Илью под стены города: устремленные в мутную высь округлые трехгранники имели собственное защитное поле, спасающее не только от давления, но и от придонных течений.

– Ты меня слушаешь или нет? – оскорбился Ян. – Я с кем сейчас разговариваю?

«Понятия не имею», чуть не ляпнул Илья, но вовремя удержался и предложил:

– Может в зал? Разомнемся.

Невысокий, субтильный Ян был совершенно искренне уверен, что написание программного кода – вполне себе физическая активность и спорт, пальцы точно тренируются. И торчал в любимом облезлом кресле перед не менее любимым терминалом почти круглые сутки, иногда отвлекаясь на перекус и сон. Но он признавал, что Илья на его фоне выглядит эффектно: высокий, с темными волосами и карими глазами. Еще и родители постарались, заказали базовую модификацию и довели его генетическую карту до идеальной, что на внешности сказалось однозначно положительно. Даже сейчас сидящие за соседним столиком девицы не столько в головизор смотрели, сколько ему глазки строили. Илья лениво подмигнул в ответ, но подниматься и подходить к соседкам не стал.

Ян был из того самого «генетического брака», рожденный вне закона. Своих родителей, и что с ними стало, он не знал. Ему немного скорректировали последствия генных отклонений и отдали в приемную семью, но все признаки альбиноса остались, так что шансов получить разрешение на собственных детей у Яна не было. Это тоже сильно снижало его ценность в глазах противоположного пола, и друг давно махнул рукой на свою личную жизнь, вполне успешно подменив ее виртуальной.

– Вот еще! – опешил Ян. – Еще на ринг мне предложи залезть!

– Тебе было бы полезно, – согласился Илья, добавив в голос сочувствующих ноток. – А то скоро на камбалу станешь похож.

– Ну, нет! Так как мозг у нас один на двоих, то бить меня по голове нельзя! Это тебя можно, у тебя там все равно только кость!

Илья хотел привычно возмутиться, но быстро передумал. Бессмысленно напоминать этому недоделанному хакеру, что, собственно говоря, его, Илью, в отличие от некоторых, из школы, как неспособного к обучению, не отчисляли. Как и то, что школа у Ильи была куда приличнее, по крайней мере, начальная. Он уже пробовал объяснять, но Ян тут же с горячностью молодого вулкана принимался доказывать, что разностороннее образование суть вред, а никак не польза. И что ему нет никакого дела, как утонули Помпеи, и зачем Земля вращается вокруг Солнца. Или наоборот, он точно не помнит: мало того, что никакого Солнца у них нет, здесь даже неба нет, одна вода вокруг! А лично у него, Яна, не настолько много времени, чтобы тратить его на всяческую чепуху.

– Ян, клиенты, – негромко оповестила Хелен, присаживаясь за их столик. – Не пора ли уже поработать?

– Да, мэм! – Ян вскочил, скорчив морду, должную, наверное, подчеркнуть трудовой энтузиазм, но почему-то скорее напомнившую о незавидной участи древних рабов на галерах. – Так точно, мэм!

Заведение ориентировалось на клиентов с разной толщиной кошелька, и помимо живых девушек, готовых скрасить досуг за приличное количество кредитов, предлагало и более дешевые варианты развлечений. Ян трудился программистом, обеспечивая виртуальный отдых и обещая посетителям незабываемые ощущения и полное погружение в выдуманную реальность. В первом Илья даже не сомневался: Ян, обладая буйной фантазией, свои новые разработки пытался тестировать на лучшем друге. Илья даже пару раз согласился, но когда, в очередной раз натянув вирт-костюм, увидел медленно приближающегося к нему гигантского осьминога цвета «вырви глаз», резко осознал, что совершенно не желает знать, что этот монстр собирается делать своими щупальцами. Ян обозвал его консерватором и махровым ретроградом, и Илья с этим бодро согласился, попутно сообщив, что думает о гениях виртуального секса. Ян тогда обиделся серьезно, часа на два, но потом смирился и новые идеи показывал только в набросках, не пугая Илью альтернативной реальностью.

– Как Женька? – поинтересовалась Хелен, поправляя расшитую яркими цветами шаль. – Дурит?

– Да кошмар, – честно признался Илья. – Руки опускаются.

У пятнадцатилетней сестры характер даже не испортился, а просто сломался, и Илья откровенно не понимал, за что ему такое счастье и что делать с ершистым, выпустившим все свои колючки подростком.

– Давай мы с ней поговорим, – предложила Вики, занимая место рядом с подругой, благо клиенты разбрелись кто в номер, кто за столик, и у барной стойки никого не осталось. – Все-таки не чужие.

Илья кивнул: не чужие однозначно, пожалуй, здесь они с Женькой проводят больше времени, чем дома. Если бы мама знала, где прошло Женькино детство, то ее бы удар хватил, но она погибла, когда дочери было неполных два года, и узнать уже не могла. Тогда им пришлось непросто, на нянек денег не хватало, а бордель лучше, чем улица. Безопаснее точно. Он давно привык считать «Йоко» своим домом, а хозяек борделя – своей семьей. И если те поговорят с Женькой, то хуже точно не будет. Смогли же они его отговорить от участия в подпольных боях, объяснив, что вместо обещанных денег Илья с большей вероятностью получит исправительные работы (если полиция поймает), или инвалидное кресло (если вовремя не поймает).

– А чего падальщики у нас забыли? – вспомнил безопасников и их груз Илья. – Чей ребенок?

Вики вздохнула, а Хелен побарабанила длинными пальцами по столу и обернулась, словно пытаясь убедиться, что их никто не слышит. Последнее было избыточным: две имеющиеся камеры смотрели на бар и основной зал, этот столик они не цепляли. А разобрать речь сквозь тихую музыку, напоминающую шум дождя, было непростой задачей даже для компьютера. Хелен тоже не любила Службу Безопасности и постаралась сделать так, чтобы и претензий к борделю не было, и лишнего падальщики не слышали.

– Помнишь Рика? Он у вас чистильщиком работал.

Илья помнил Рика – пухлый и какой-то нескладный, он трудился в соседней бригаде. Илья еще удивлялся, что его взяли: работа чистильщика была не то чтобы опасной, но требовала определенной сноровки и ловкости. Очистка стен города от присосавшихся моллюсков и наросших водорослей была меньшей проблемой, куда сложнее было почистить шлюзовые узлы, водозаборники и коллекторные стоки, не отличающиеся особой широтой. Сам Илья тоже был не мелким, что для чистильщика скорее минус, чем плюс, зато гибким, и хорошая растяжка пока еще позволяла пробираться на самые дальние участки, замысловато изогнутые, спрятанные под решетками и затворными диафрагмами. Видимо, Рик тоже был в бригаде самым юрким, но этого оказалось недостаточно. Какая сволочь включила водяной насос, когда в трубе работал чистильщик, Илья не знал, видел только результат. Лучше бы не видел. Семья парня получила соболезнования и грошовое пособие.

– Его родители трижды подавали на «беби-карту», и три отказа, – пояснила Вики. – Видимо, с возрастом накопились мутации в ДНК. Вот и рискнули. Зря, конечно…

Илья посмотрел на ярко-желтый цветок, вышитый поверх крупных петель шали – кажется, Хелен говорила, что это подсолнух, знать бы еще, как он выглядит.

– Закон есть закон, – отрезала Хелен, поднимаясь. – Знали, на что шли.

***

О том, что последнюю пачку котлет они доели вчера, Илья вспомнил, когда продуктовая лавка осталась далеко позади. Пришлось вернуться. Кальмарами он не наелся, а настроение и так было слишком паршивым, чтобы усугублять его лапшой быстрого приготовления. На Женьку никакой надежды не было: если он сам еды не притащит, то сестрица сподобится только дойти до ближайшего автомата с чипсами и приторной газировкой.

Илья свернул за угол и притормозил, зацепившись взглядом за граффити на стене: совсем свежая картинка, даже краской еще пахнет. Рисунок был совсем простым. Будто ребенок случайно нашел кисточки и, густо измазав одну в зеленой краске, резко взмахнул рукой, оставив на стене яркую дугу. А затем желтой краской пририсовал утыканный лучами полукруг и написал внизу корявым детским почерком: «Жизнь – наверху!».

Инакомыслящие в истории человечества были всегда, и их Город не стал исключением. Некоторые, как Ян, были уверены, что планета уже починилась, и всем срочно надо выбираться наверх. Другие, наоборот, считали, что озоновый слой умер навсегда, и необходимо расширять город и искать новые ресурсы. Встречались и совсем смешные уникумы, требующие срочно возобновить научные разработки по терраформированию планет, которые велись до Катастрофы.

Илья предпочитал считать себя реалистом. Во-первых, на суше бывали не только официальные научные экспедиции. Охотники тоже изредка выходили на берег, да и сталкеры, несмотря на запреты, существовали. Достаточно иметь свою субмарину, а выход из Города был свободным. Новости с поверхности поступали из разных источников, но суть их от этого не менялась. Во-вторых, в отличие от тех, кто никогда не выбирался за стены Города, Илья сам видел, как ветшают подводные небоскребы, построенные почти сто пятьдесят лет назад. Тут бы залатать что есть, на постройку нового у них точно сил не хватит. А терраформация – вообще смешно. Пусть эти энтузиасты сначала построят пару десятков научных лабораторий и где-нибудь найдут сотню-другую ученых, а потом про искусственную перестройку планеты заикаются. Проще сразу отправить экспедицию на поиски Ктулху – вдруг найдут, и он поможет?

Все эти разговоры и поиски истины работали как предохранительный клапан на кипящей скороварке. Поговорили, пар выпустили, и опять работать на благо Города. Полиция могла посоветовать слишком активным вести себя потише, или, если кому-то захотелось донести свои идеи до широких масс, отправить нарушителя спокойствия отдохнуть на пару недель в камеру, попутно рассказав, что такое исправительные работы и какие шансы вернуться после них домой. Но всегда находились радикалы, считающие, что дело лучше слова. Правда, «дело» обычно ограничивалось перевернутыми полицейскими карами, летящими в стены местной администрации мусорными баками, и другими, столь же бессмысленными попытками добиться непонятно чего. Особо горячие головы пытались устраивать беспорядки и на верхних этажах – а это уже каралось жестко.

Жизнь в Городе с каждым годом все больше походила на выживание, и многие считали, что на поверхности все будет иначе. Наивно полагая, что стоит им вырваться из подводной ловушки, как все чудесным образом наладится. Откуда-то появится дешевая еда, работа станет легче, лекарства перестанут быть дефицитом, и, главное – больше не надо будет получать квоты на детей. Зачем? Наверху же много места, на всех хватит.

Илья давно убедился, что людей, способных построить логическую цепочку больше, чем из трех звеньев, крайне мало. Он даже не пытался выяснить у мечтателей, как они собираются выживать на поверхности? В полностью разрушенном мире, без электричества, теплого душа и доступа в Сеть? Откуда возьмутся дома, да что там дома – кто-нибудь вообще помнит, как добывать еду на суше, или все дружно готовы вернуться в каменный век? Кстати, с лекарствами тогда было всё хорошо. Их просто не существовало.

Он и сам когда-то мечтал попасть в экспедицию, а ещё лучше – в отряд первых поселенцев, чтобы строить там, наверху, новый город, борясь – обязательно героически! – со стихией… А потом детство закончилось. Резко и навсегда. Больше спасение человечества его не волновало. Есть он и важные для него люди, а остальные сами как-нибудь. Мечта тоже стала попроще и пореалистичнее: найти нормальную работу и вернуться в Верхний Город. Мир пусть другие спасают, и желательно так, чтоб его при этом не зацепило.

Илья еще раз взглянул на рисунок и шагнул к полупрозрачной двери. Темное силовое поле еще не включили, значит, открыто. Повезло.

Хозяин магазинчика колобком выкатился из-под прилавка и одернул нелепый клетчатый пиджак.

– И тебе не хворать, – отозвался он на приветствие. – Вовремя ты заскочил, я только новую порцию сделал.

– Мороженое? – зачем-то уточнил Илья.

– А что же еще? – удивился продавец. – Будешь брать?

– Ага, – согласился Илья, мысленно прикидывая, сколько осталось денег на счету. До зарплаты вполне должно хватить. – Белое.

Традиционно мороженое делали из водорослей, и его Илья тоже любил. Кисловатое, с хрустящими гранулами льдинок, вкусное, только в кофе нельзя бросать: расплывается невнятной зеленой кляксой. Ни вкуса, ни запаха. Другое дело – из соевого молока, пусть дороже, зато кофе с ним отличный. Женька тоже больше любит белое.

Илья бросил в корзинку пару упаковок вермишели и подошел к прилавку с рыбой. В основном жителей Города обеспечивал океан, точнее подводные фермы: генно-модифицированные водоросли вполне заменяли крупы, а рыба была ничем не хуже мяса. Наверное. Мяса, как и подавляющее большинство жителей, Илья никогда не пробовал и сравнить мог только с описаниями трапез в исторических романах.

Из «земных» продуктов были только те, что выращивали в оранжерее на среднем ярусе: она условно делила Нижний и Верхний Город на административные сектора, а фактически – четко обозначала границу между теми, кого легко было заменить, винтиками в сложном механизме гидрополиса, и теми, кто этот механизм настраивал. Когда-то и они с родителями жили наверху. Мама была врачом-генетиком, а отец – инженером, отвечающим за бесперебойную работу электронного оборудования, от которого зависела жизнь Города.

Сам Илья теперь был «винтиком», причем одним из самых низкоквалифицированных, коих в горсти по сто штук.

– Стефан, а бобы какие лучше? – крикнул Илья, крутя в руках две одинаковые упаковки с нарисованными ростками сои.

– Возьми те, что справа, – донеслось из подсобки.

В той, другой жизни, его родители могли себе позволить и другие продукты из оранжереи, не только сою. Он помнил, как папа выкладывал на стол настоящие желтые яблоки и розовые помидоры.

Илья тоже пытался покупать, хотя бы на праздники, но не всегда получалось. В прошлый раз, накануне Женькиного дня рождения, он умудрился потерять сразу три гарпуна. Кого волнует, что подросток белой акулы в два раза больше человека, а зубов у него, как у взрослого хищника? Чистильщиков много, а стрел для подводных арбалетов – мало! Не надо было отстреливать леску и давать рыбке уплыть, унося с собой ценный наконечник. На штраф ушли почти все отложенные деньги, и было не до яблок. Правда, Ян каким-то чудом узнал про штраф, и, обругав Илью идиотом, притащил целый кулек мандаринов. Женька даже шкурки не дала потом выбросить, так и лежат до сих пор, засушенные, в миске на столе.

– Вот! – Стефан выскочил из боковой двери, держа в руках увесистый пакет. – Как знал, что зайдешь.

– Спасибо, – искренне улыбнулся Илья. – У тебя вкуснее, чем в маркете.

– А то! У них там что, плюх, бух, рецептуру не выдерживают, все экономят. А у меня еще дед его делал, все знали, что лучшее мороженое – у Вацека!

Илья посмотрел в корзинку и добавил упаковку криля, можно будет приготовить его с бобами. В центральном маркете было дешевле, зато Стефан никогда не подсунет испорченное.

Да и вообще здесь приятнее, а там вечно толпы народу, очереди к автоматическим кассам, и идти туда дольше.

До дома Илья добрался быстро. Улицы были почти пустыми. Те, кто спешил в ночную смену, давно ушли, а те, кто отработал день, уже разбрелись по квартирам или по барам, расслабиться после работы.

Дверь, скрипнув, отползла в сторону. В коридоре было темно. Илья чертыхнулся и провел рукой по стене, активируя систему управления домом: на появление хозяина та реагировала уже не через раз, а под настроение. Давно надо было напрячь Яна, чтобы тот покопался в настройках, но все как-то руки не доходили.

Квадратная панель на стене, недовольно моргнув, засветилась мягким желтым светом, и стало видно узкий коридор. Илья разулся, задвинув кроссовки под пластиковый табурет, и прошел в комнату. Жилой модуль был стандартным: мизерная кухня, душевая, два спальных блока и одна комната побольше – то ли гостиная, то ли гардеробная. Тридцать метров полезной площади, жить можно.

Илья подобрал валяющуюся на полу юбку и привычно сунул ее в шкаф. Женька, похоже, была уверена, что таким образом бунтует против несправедливости мира, ничем другим объяснить страсть сестры к разбрасыванию вещей Илья не мог. Зашел на кухню и застонал.

– Ну просил же…

В раковине тоскливой кучей громоздилась немытая посуда. Тарелки вперемешку с кружками были свалены прямо в грязную сковородку, а сверху гнездилась кастрюля. Куча была явно собрана в приступе немыслимого героизма, но завершить подвиг, засунув грязную посуду в посудомойку, Женька не смогла. Враги, видимо, помешали.

Илья дернул ручку крана. Пару секунд ничего не происходило, а потом кран заворчал, чихнул и выплюнул струйку желтоватой технической воды. Пресная вода была самым ценным ресурсом в Городе, и ее полагалось экономить, посуду можно было сполоснуть и такой, слегка солоноватой.

Водоросли обеспечивали Город всем, не только кислородом. Еда, одежда, пластик… даже электричество частично производили. Но опреснители воды были самые обычные: морская вода под давлением прогонялась через мембраны, теряя по дороге соль. Наверное, изначально предполагалось, что недостатка в сменных мембранах не будет, но Катастрофа внесла свои коррективы: все заводы остались под слоем вулканического пепла. Конечно, местные инженеры как-то выкручивались, и от жажды никто не умирал, но мысль, что воду надо беречь, детям внушалась с самого рождения. Пожалуй, лишь металл ценился дороже воды: его из водорослей делать не получалось.

Илья успел запустить посудомойку, разобрать сумку с продуктами и водрузить на плиту кастрюлю с водой, когда домашний искин зажег свет в коридоре.

– Я не успела помыть, – с порога заняла глухую оборону Женька. – Нечего на меня орать!

– А кто на тебя орет? – удивился Илья, рассматривая сестру и потихоньку закипая.

Узкая серебристая юбка, наверное, была призвана соблюсти некие рамки приличий, но получалось у нее просто отвратительно. С точки зрения Ильи ее надо было удлинить как минимум вдвое, а лучше превратить в брюки. Короткий топик обтягивал совсем недавно выросшую грудь и заканчивался чуть выше пупка, демонстрируя голый живот. На шее болталась толстая цепочка с большой перламутровой ракушкой.

– Ты не могла бы одеваться, когда из дома выходишь? – процедил Илья, чувствуя, что выдержка ему отказывает. – Или тоже не успела?

– Тебе-то что? – огрызнулась Женька, одернув юбку. Лучше не стало.

Внешне Женька была копией Ильи. Или, как он сам считал, его улучшенной версией. Сестра выросла настоящей красавицей, и Илья все чаще замечал, как парни на улице провожают ее заинтересованными взглядами. Женька упорно отказывалась понимать, что шляться

одной по вечерам, да еще в таком виде, не лучшая затея, а попытка донести до нее эту простую мысль, как правило, заканчивалась скандалом. Хорошо, что их этаж считался тихим: здесь в основном жили одни работяги, да и полиция, пусть нечасто, но все-таки появлялась.

Илья скривился, разглядывая боевой раскрас на лице сестры. Ярко-вишневые губы, густо подведенные черным глаза и серебристый узор на щеках. Но это было еще ничего по сравнению с прической – та являлась квинтэссенцией андеграунда. Волосы им с сестрой достались от отца: темные, жесткие и кудрявые. Но если Илья, недолго думая, раз в неделю проходился по голове машинкой, оставляя небольшой ежик, то Женька волосы не стригла, зато боролась с кудрями не на жизнь, а на смерть, старательно их распрямляя и поливая сверху разноцветным лаком. И сейчас понять, какого цвета у нее волосы – желтого, бордового или синего – было невозможно.

– Иди умойся! – не выдержал Илья. – Чучело!

– Что? – моментально взъерошилась Женька. – Тебя не касается!

– Пока ты со мной живешь – касается! Где ты вообще была? Тебе в школу завтра! Уроки сделала?

– Хватит меня воспитывать! – Женька топнула ногой и, набрав в легкие побольше воздуха, выпалила: – Ты мне не отец!

– Рот закрой!

Женька команду выполнила, но не из послушания, а скорее от возмущения. Крутанулась на месте и выскочила из кухни, не забыв хлопнуть дверью.

Илья повернулся к плите и пару минут таращился на булькающую в кастрюле воду. Потом взял пачку вермишели и вытряхнул в воду темно-зеленые завитки. Да, он Женьке не отец. Тот бы даже не заметил, вернулась дочь или нет. После смерти жены ничего, кроме того, где достать дозу «мурены», его не волновало. Женька была маленькой и не помнит, как сначала отец начал приходить с работы позже, потом стал пропадать на пару дней. Как мог часами сидеть на кухне, глядя в одну точку. Как Илья бегал, пытаясь отыскать его в барах и привести домой. Сильный, жизнерадостный, он сломался в один момент, словно жизнь рухнула и остановилась. А то, что в этой жизни были еще его дети, он забыл.

Через два года после смерти матери в их дом пришли люди, и оказалось, что отец уже давно не платил по счетам, а месяц назад его выгнали с работы. Социальное жилье было только в Нижнем Городе. Жизнь перевернулась даже не с ног на голову, а раскорячилась застрявшим в сетях спрутом. Их с Женькой мизерное пособие позволяло не умереть с голоду, не более того. А отец… Иногда у него случалось просветление, и он клялся, что они скоро вернутся домой, что надо немного потерпеть. Сначала Илья даже верил, а потом перестал. После школы бежал в «Йоко» забирать Женьку, варил дома немудреный суп, и пытался готовиться к экзаменам в колледж, уже понимая, что никуда поступать не будет, но все еще надеясь. А по ночам чинил чайники и прочую бытовую мелочь: в ремонтную артель устроился отец, но работал чаще за него Илья.

Первый и последний раз Илья ударил отца в свой шестнадцатый день рождения. На карточке не оказалось денег: полученное накануне пособие было потрачено на очередную дозу. Да еще позвонили из артели и сказали, что отец испортил три заказа, и что больше там не работает. Отец только отводил в сторону взгляд и разводил трясущиеся руки. Тогда Илья и ударил. Сильно, по-настоящему, как бил в драках, а потом молча смотрел на напуганного человека у своих ног, не понимая, куда делся тот, другой, самый смелый и надежный, что был его отцом.

Через два месяца Илью вызвали на опознание. Передозировка. Илья молча расписался во всех документах, чувствуя стыдное облегчение, и просто начал жить дальше. Но Женька всего этого то ли не помнит, то ли не хочет вспоминать.

Илья выловил из кастрюли макаронину, старательно подул на ложку и сунул в рот, пробуя. Спрашивается, и чего наорал? Да эта мелочь вся так ходит, Женька еще прилично одета, юбку хоть не забыла. Из толпы точно не выделяется. Но до остальных Илье не было дела, а

до Женьки – было. Жалко, что ее дома запереть нельзя – было бы неплохо… Пока мозги не отрастут.

– Умылась, – проинформировала Женька, усаживаясь на стул. – Доволен, сатрап?

– Ага, – подтвердил Илья, решив не обращать внимания на явно звучащее в голосе сестры ехидство. – Ужинать будешь? Как в школе дела?

Ужинать Женька согласилась, а в ответ на вторую часть вопроса неопределенно покрутила в воздухе рукой, что, наверное, должно было означать «нормально».

– А если поподробнее? – не захотел разгадывать пантомиму Илья.

Школу Женька заканчивала через год, и Илья лишь вздыхал, читая сообщения учителей. Учиться сестре было скучно, и он разделял ее чувство. Он сам, оказавшись в местной школе, растерялся, не понимая, на кого рассчитана программа. Похоже, внизу учили только считать и писать. Женька унаследовала мозги от матери, и схватывала все на лету, особенно химию и биологию. Ей бы школу нормальную, но на нее нужны деньги. В результате, все чаще Илье сообщали, что Евгения Астахова изволила прогуливать школу, нагло игнорируя бесплатное образование, предоставляемое Городом.

Женька поболтала ногой и сунула в рот кусок рыбной котлеты.

– Я тут подумала…

Илья напрягся.

– … а мне обязательно надо аттестат получать? Вон у Яна никакого аттестата нет, и нормально. Все равно у нас денег на колледж…

– Так, – перебил Илья. – И что планируешь делать?

– Работать пойду, – безмятежно сообщила Женька.

– К Хелен?

– Совсем уже? – Женька покрутила пальцем у виска. – Меня официанткой зовут.

– Не велика разница, но у Хелен платят больше.

– Я с тобой нормально поговорить надеялась, – надулась Женька. – Ты меня совсем не слушаешь.

– А ты ерунду не говори! Сначала закончи школу, а там решим, куда ты пойдешь. Найду я деньги.

Единственным способом вырваться из их гетто было образование. У Ильи не было возможности учиться, но Женьку он выпихнет, главное, чтобы та не сильно сопротивлялась. И чтобы его в охотники взяли, там денег больше можно заработать.

– Где ты их найдешь? – скривилась Женька. – На улице?

Где именно он будет искать деньги, Илья объяснять не стал, мрачно пообещав выгодно жениться. Быстро доел, и, мстительно напомнив Женьке, что со стола следует убрать, ушел в комнату. Опустился в старое, немного потрескавшееся кресло и активировал терминал.

Тихо звякнуло оповещение, и в углу развернувшегося экрана замигал конверт. Илья открыл почту и прочитал новое сообщение. А потом еще раз. Выругался, и с досадой откинулся в кресле, забросив ноги на низкий журнальный столик. Гильдия Охотников отклонила заявку, даже не вызвав его на собеседование.

В маленькую гостиную, кроме шкафа, влезали еще два кресла и столик. На этом комната почти заканчивалась. В их старой квартире, пусть не на самых верхних этажах, но все-таки наверху, были внешние окна. И можно было, забравшись на диван, прижаться носом к холодному пластику и наблюдать, как в широких лучах прожектора иногда проплывают привлеченные светом обитатели океана. Здесь вместо окна напротив кресла висела картина. Темная вода, сливающаяся на горизонте с таким же черным небом. И звезды. Много искрящихся точек, отражающихся в черном океане, и не понять, где заканчивается космос и начинается планета.

Они продали почти все вещи, что забрали из старой квартиры, но картину Илья не отдал. Ее очень любила мама, даже читала какие-то стихи про звездную ночь и море. А ему самому

казалось, что небо просто опрокинулось, рассыпав свои звезды и залив все вокруг чернильной пустотой.

***

Домашний искин тихо мурлыкнул и включил световую панель. Илья приоткрыл один глаз, пытаясь сообразить, что происходит. Искин звякнул чуть настойчивее, добавив раскатистое «р-р-р». Пять часов, через час надо быть у второго шлюза, а до него еще добраться надо. Пора вставать.

Илья сел. Нашарил на полу домашние брюки, и, зевнув, попытался попасть правой ногой в нужную штанину. Получилось не сразу.

Дополз до ванной, и только там открыл второй глаз, недовольно уставившись в зеркало. Ничего нового (и особо приятного) не показывали: обычная помятая и небритая морда. Илья скривился и поскреб щеку ногтями. Хорошо Яну, ему можно месяц не бриться, а он сам на третий день выглядит как собирательный образ всех преступников. Хоть универсальный фоторобот с него рисуй.

Зеркало, решив, что Илья уже достаточно собой полюбовался, переключилось на новостной канал, пустив информационную строку прямо поверх отражения. Илья принялся размазывать по щекам гель, вчитываясь в бегущие слова. Ничего интересного за ночь не случилось. Совет Города напоминал жителям о необходимости экономить воду, в субботу обещали трансляцию очередного музыкального конкурса, а администрация их сектора информировала о том, что лифты номер шесть и восемь временно не работают в связи с плановым ремонтом.

– Заранее не могли сообщить, – пробормотал Илья, набирая воду в сложенные ковшиком ладони. – Обязательно в последний момент.

Информационная строка, закончив с лифтами, переключилась на новости соседних городов. В Отиволе опять беспорядки, а с Риманом наконец заключили контракт на поставку новых мини-субмарин. Последнее было хорошо: Кергелен был аграрным городом, и своего производства кевра-пластика не имел, а из обычного подводную лодку не сделаешь.

Когда Илья, стараясь не шуметь, зашел на кухню, чайник, заботливо включенный искином, уже вскипел. Часы показывали десять минут шестого, и с учетом того, что теперь бежать придется до дальнего лифта, стоило поторопиться, чтобы не нарваться на штраф. Кофе придется пить по дороге.

Илья бросил шарик спрессованных водорослей в термо-кружку с кипятком и поболтал в ней ложкой. Темно-красная капулария тут же распалась на отдельные нити, окрашивая воду и наполняя комнату молочно-карамельным, с нотками чего-то острого, запахом. Был ли этот напиток похож на настоящий кофе, Илья понятия не имел, но резкий горький вкус однозначно бодрил, помогая проснуться.

В холодильнике нашелся пакет с нарисованной виноватой рожицей: Женька извинялась за свой вчерашний демарш. Инспекция пакета показала наличие двух гигантских бутербродов с соевой пастой и тунцом. Илья усмехнулся и вытащил из морозилки мороженое. Утро начиналось неплохо.

На работу Илья успел вовремя, несмотря на очередь к лифту. Правда наверстывать потерянное время пришлось бегом.

– Привет, крабы! – Илья бросил рюкзак на узкую скамейку и прижал ладонь к сенсору на дверце шкафчика. – На каком мы сегодня участке?

– Сам такой, – беззлобно огрызнулся сосед. – Должны на пятом, если не поменяют.

Пятый участок означал, что работать они будут на верхних этажах – это куда проще, чем ползать по дну, очищая водостоки ферм.

Илья быстро разделся и вытащил гидрокостюм. Комбинезон у него был самый простой: обычный неопрен со встроенной системой обогрева и усилениями на коленях и локтях. Уже поношенный, но еще вполне крепкий и надежный. Илья застегнул молнию, и с силой провел по

ней ладонью, герметизируя. На серой ткани тут же засветилась бледно-голубая паутина антиграва, а вшитый в правый рукав дисплей мигнул, информируя о запущенной диагностике. Комбинезон обтягивал плотно, как вторая кожа, но двигаться не мешал. Илья покрутился, проверяя, что нигде не жмет, и поправил закрепленные на бедре ножны: под водой всякое случается, лучше, чтобы оружие было под рукой.

Лежащий на полке комм завибрировал. Илья не глядя стукнул по нему, принимая вызов и одновременно пытаясь натянуть левый ботинок.

– Илюша, хорошо, что вы еще не ушли, – обрадовалась голубоглазая блондинка на развернувшемся экране. – Чуть не опоздала.

– Только не говори, что нам меняют участок, – жалобно простонал Илья. – Это будет жестоко с твоей стороны!

Тина Берг работала в их диспетчерской службе, и вызов оттуда мог означать что угодно: от забитой трубы у черта на куличках до немного загрязнившегося купола центрального модуля.

– Разве я могу так с тобой поступить, – кокетливо улыбнулась Тина. – Как ты можешь так обо мне думать!

Илья тут же улыбнулся в ответ, всем видом показывая, что, конечно, такая прекрасная девушка не может быть столь жестокосердной – и как он осмелился такое предположить! Пару лет назад у них случился бурный роман, и Илья даже честно считал, что влюбился. Тина была вполне в его вкусе: маленькая, с правильными округлостями в нужных местах и замечательным покладистым характером. Да и к блондинкам Илья всегда был неравнодушен, но как-то не сложилось. Тина хотела семью, детей и все такое, а Илье и Женьки было выше крыши. Расстались друзьями.

– Тебя снимают со смены, так что переодевайся и беги в диспетчерскую.

– Почему? – напрягся Илья.

Никаких поводов отстранять его от работы у начальства не было, а пропущенная смена означала потерю денег, и вообще неприятно – за что его снимать?

– Не знаю, – пожала плечами Тина. – Тебя срочно вызывают наверх. Приказано найти, где бы ты ни был. Может, у тебя богатая тетушка померла, и ты единственный наследник?

– Это вряд ли, – пробормотал Илья, проводя пальцами по дисплею и отключая комбинезон. – Сейчас буду.

До диспетчерской добежал довольно быстро, но и там ничего не прояснилось. Начальник смены подтвердил, что Илья должен прибыть в центральный корпус на шестьдесят второй этаж, и только махнул рукой, обрывая все возражения.

***

Генная инженерия в конце двадцать первого века достигла небывалых высот. Лозунг «Совершенствуй природу» претворялся в жизнь с упорством буйно помешанных – на планете модифицировали все, что попадалось под руку и не успевало сбежать. Потом вспомнили про океан. Служить человеку должны были все ресурсы планеты, даже если природа этого совсем не планировала.

«Аква Генетикс» была богатой корпорацией, и могла себе позволить собственный гидрополис. Крупнейший научный центр, лучшее оборудование, идеальные условия для работы и жизни: все для того, чтобы ученые созидали на благо человечества и корпорации. К научному центру добавилось производство, затем фермы – Кергелен рос, расползаясь по океанскому дну.

Город начинали строить на поверхности. Сначала технические этажи, следом жилые. По мере готовности этаж опускали под воду, окружая антиграв-защитой, и начинали возводить следующий, пока наконец на дне не вырастала стоэтажная махина. Сердце Города, реактор, опускали на дно первым, и потом подключали к нему все остальные сектора: огромная разлапистая клякса между гигантскими башнями. Этерний, сто тридцать четвертый элемент пери-

одической таблицы, был искусственно синтезирован еще в середине прошлого столетия. Он не сильно уступал в радиоактивности своим природным собратьям, зато сильно превосходил по КПД, и, главное, срокам работы. На вечность, конечно, зря замахнулись, но одна тонна этерниевого топлива могла обеспечивать город энергией на протяжении двухсот – двухсот пятидесяти лет, не требуя добычи руды и ее обогащения. Идеально для гидрополисов.

До Катастрофы отстроили пять башен. Планировали еще две, в километре от основной части, но не успели – только опустили еще один реактор и поставили рядом пару технических этажей.

Илья вышел из лифта и огляделся, пытаясь сориентироваться. Он жил и работал в третьем корпусе, а вызвали его в центральный, по большей части занятый административными службами.

Сейчас Город представлял собой десять монументальных башен-трехгранников, соединенных гибкими переходами, позволяющими быстро попасть из одного корпуса в другой. Изобретение антиграва позволило отказаться от набившей оскомину шарообразной формы, но архитекторы все же скруглили углы, уменьшив влияние придонных течений и усложнив чистильщикам работу.

Илья сверился со схемой в комме и двинулся в сторону траволатора, решив не ждать электробус: на нем быстрее, но Илье почему-то не хотелось торопиться.

Нижние этажи исторически были предназначены для обслуживающего персонала и рабочих, верхние – для ученых и инженеров. Там же располагались зоны отдыха и шлюзы для пассажирских субмарин. На последних этажах жили топ-менеджеры корпорации. Когда-то там были отели для богатых туристов, желающих полюбоваться красотами океана, но сейчас никаких туристов не осталось, и гостиницы давно использовали для нужд Города.

Раньше разница между верхними и нижними этажами была не такой заметной, но с каждым годом условная граница становилась все четче. Кергелен в основном производил пищу, и мог накормить своих жителей, но все остальное надо было купить у соседей. Без того же Отивола не было бы компьютеров, а без Фримы – лекарств. Изначально рассчитывали, что гидрополисы будут совершенно автономны, но это оказалось иллюзией. Увлекшись генной модификацией, люди научились получать из водорослей почти все, что нужно, от суперпрочных пластиков до лекарств; даже компьютерные платы делали из био-материалов. Но все то, что раньше легко закупалось наверху, теперь стало роскошью. Металл, оборудование для ферм и заводов, а главное – материалы для постройки новых корпусов и ремонта старых.

Ресурсы городов истощались, и благ цивилизации на всех уже не хватало. И в первую очередь всем необходимым обеспечивались верхние этажи. Людям внизу доставался социальный минимум «хлеба и зрелищ», ровно столько, чтобы не получить голодный бунт, не более того. Наверху еще поддерживалась иллюзия процветающего гидрополиса – города, у которого есть будущее. Надолго ли… Город словно застыл в безвременьи, затерявшись в темных водах, еще не умирая, но уже шагнув в тень угасания.

За полупрозрачными стенами перехода океан жил своей жизнью, не сильно интересуясь непрошеными соседями. Илья посмотрел на вертлявого плосконоса, зачем-то подплывшего слишком близко и теперь ошарашенно дергающегося в зоне пониженного давления, и отвернулся. Океан сейчас ему был не слишком интересен, он его и так почти каждый день видел. А вот в верхней части Города, особенно в центральном корпусе, давно не был. Пожалуй, последний раз два года назад, когда водил Женьку в музей Земли.

Ему повезло больше, чем сестре, у него было благополучное, сытое детство в Верхнем Городе со всеми причитающимися атрибутами. Родители его баловали, таская по выходным в парк развлечений, бабушка водила в театр, а дед – в оранжерею, смотреть цветущую сакуру, и в океанариум с экзотическими рыбками. Илья помнил, какой восторг у него вызывали сказочные, ни на что не похожие обитатели экваториальных морей и рассказы деда про них. Он

пытался быть хорошим братом, и тоже таскал Женьку наверх, когда была такая возможность. И в оранжерею, и в театр, но чаще – в небольшой, частично голографический, океанариум. Его они излазили вдоль и поперек, но аквариум с теми сказочными рыбами так и не нашли. Возможно, нежные создания теплых морей передохли, а за новыми плыть было некому, а может, воспоминания сплелись с детскими фантазиями, и Илья помнил то, чего не было.

Илья проводил взглядом робота-уборщика, деловито шуршащего рядом с бегущим тротуаром, и понял, что отвык. От чистого пола под ногами, мягко пружинящих траволаторов и узкой клумбы, пусть с коротко постриженной, но самой настоящей травой. Жизнь внизу расставляла приоритеты по-своему. Там никто не стал бы поливать клумбы пресной водой или тратить дефицитное место на смотровые площадки с иллюминаторами, чтобы любоваться океаном в свете прожекторов.

Девушка на встречном траволаторе окинула Илью изучающим взглядом и улыбнулась, демонстрируя безупречные зубы. Илья механически растянул губы в ответ, чувствуя, что начинает злиться. Внизу люди по утрам спешили на работу, в хмурой толпе никто не улыбался. Да и чему улыбаться, когда впереди десять монотонных часов у конвейера на разделке рыбы или обработке водорослей. А здесь – искусственные улыбки и показная беспечность. И идеальный до зубовного скрежета газон.

Илья опять отвернулся к стене: все-таки океан лучше. Странно, но самой распространенной фобией в Городе был страх глубины. Люди боялись океана, не понимали его, а Илья любил. Всю это плотную, тяжелую массу воды, что окружала, делая движения плавными и смазанными. Тишину, что наваливалась, стоило лишь нырнуть. Подрагивающий аквабайк и ощущение бесконечности. Илье казалось, что океан похож на потерянный людьми космос, только звезды забыли рассыпать.

Дорожка под ногами дрогнула, напоминая, что скоро закончится. Идей, куда и зачем его вызвали, в голову так и не пришло. На этом этаже были департаменты образования и здравоохранения, Центр Генетики, но место, куда ему следовало явиться, никак отмечено не было. Просто номер на схеме.

Илья поправил болтающийся на одном плече рюкзак и двинулся в сторону входа. Каждый этаж был совершено автономным, с собственными системами опреснения, отделенный от переходов шлюзовыми камерами, позволяющими моментально закрыть сектор в случае разгерметизации. Таких прецедентов в истории Города еще не было, но шлюзы всегда держали в рабочем состоянии.

Илья присвистнул, оценив толщину створки: похоже, здесь боялись не океана, а направленного ракетного удара. Тут что, сервера банков стоят? Или хранится стратегический запас котлет из водорослей?

Дальше коридор преграждал ряд высоких турникетов, пришлось остановиться.

– Предъявите пропуск, – шагнул навстречу человек в полицейской форме.

– Меня вызвали… – Илья замялся, не зная, как объяснить, куда, собственно говоря, его вызвали. – Сороковая улица.

– Документы.

Илья подчинился, прижимая комм к сканеру. Рассказывали, что раньше проход везде был свободным, любой мог съездить в ресторан или погулять в парке. Однако сразу после Катастрофы самые сообразительные попытались воспользоваться царящей неразберихой и растерянностью Совета. Власть сменить не удалось, бунт был подавлен, но Совет Города выводы сделал и гайки закрутил. Теперь, чтобы попасть на верхние этажи, надо было запрашивать разрешение и объяснять, что ты там забыл.

Полицейский внимательно посмотрел на развернувшийся экран, потом на Илью и опять на экран. Видимо, изображение совпало с оригиналом, страж порядка что-то нажал, и на одном из турникетов загорелась красная панель.

– Приложите руку.

Илья мысленно присвистнул. ДНК каждого гражданина было в базе данных, и можно сменить документы, цвет волос и глаз, можно даже сделать пластическую операцию, но ДНК останется тем же. Оно заносилось в базу единожды, при рождении, и «намертво» прикреплялось к идентификационному номеру. Считалось, что привязать генетическую карту к новому номеру практически невозможно. Посты проверки ДНК в Городе были редкостью, даже на верхних этажах – раньше ему с ними сталкиваться не приходилось. Его что, на встречу с Главой Совета вызвали?

По ладони, смешно ее пощекотав, скользнула щеточка, и сенсор сменил цвет, разрешая проход.

До сороковой улицы было недалеко, всего три квартала. Нужный корпус тоже нашелся сразу: обычные зеленые стены, затемненная дверь и никаких вывесок, кроме номера.

Илья постоял, разглядывая дверь: идти туда все так же не хотелось. Глупо, конечно, скорее всего, какая-нибудь очередная ерунда или путаница в документах: например, нашли какую-нибудь непогашенную задолженность отца или, наоборот, совершенно случайно обнаружили незакрытый счет его матери. Второе было бы неплохо, но первое более вероятно, и придется поднимать счета, проверять, доказывать, что у них все оплачено…

Дверь бесшумно отъехала в сторону. Торчать на улице было как-то совсем смешно. Лучше побыстрее разобраться с вопросом и вернуться домой. Илья вошел, сделал пару шагов по коридору и замер, споткнувшись. Тут вывеска была.

– Вы к кому?

«Служба Безопасности. Аналитический отдел». Илья с трудом оторвал взгляд от надписи и повернулся. Охранник был в черной форме, с вышитым на кармане рубашки логотипом СБ.

– Не знаю. Вызвали.

– Документы.

Илья повторно прижал комм к сканеру, надеясь, что он напутал с адресом и зашел в другую дверь.

– Второй этаж. Десятый кабинет. Рюкзак оставьте на стойке хранения.

Ошибки не было, но что нужно безопасникам от рядового чистильщика? Илья сглотнул и двинулся в указанном направлении, стараясь задавить панику в зародыше. Если бы его собирались арестовать, пришли бы сами, а не вызывали. Да и вообще, найти кого-то законопослушнее было сложно.

В кабинете его действительно ждали.
– Господин Астахов? Проходите, присаживайтесь.

Илья молча опустился на указанный стул, рассматривая присутствующих. За простым офисным столом сидел седой полковник с довольно резкими, грубыми чертами лица и характерно приплюснутым носом. Видимо, не всегда в кабинете работал. Прищуренные глаза и изучающий взгляд симпатии к их обладателю не добавляли.

Чуть дальше в кресле расположилась девушка в такой же, как у полковника форме, только с нашивками лейтенанта. Темные с пепельными прядями волосы были коротко подстрижены: шея и уши открыты, на лбу рваная челка. Узкое, с высокими скулами лицо и серые глаза. Темные и холодные, как недружелюбный океан. Взгляд – такой же цепкий, как у начальника. Можно было бы назвать её симпатичной, если бы не едва заметная презрительная усмешка на пухлых губах. Илья отвел взгляд, мысленно скривившись: никогда не любил высокомерных девиц.

– Сидельников Борис Евгеньевич, – представился полковник и повернулся к девушке. – Роксана Эндерсен.

Илья кивнул, не очень понимая, что ему делать со столь ценной информацией.

– Кофе? Чай?

Ни того, ни другого не хотелось, но Илья, чувствуя, как предательски подрагивают пальцы, согласился на кофе. Хоть будет чем руки занять.

Поднявшаяся из кресла девушка оказалась еще и высокой. Сам Илья, со своими метр восемьдесят пять, привык, что девушки заканчиваются в лучшем случае в районе носа, а чаще – подбородка, но лейтенант уступала ему максимум сантиметра три – четыре, не больше. Серьезный многозарядный тазер на поясе, с точки зрения Ильи, шарма ей тоже не добавлял.

Лейтенант, не проронив ни слова, поставила на стол чашку и круглую сахарницу с бурыми кубиками. Полковник, дождавшись пока Илья размешает сахар и сделает первый глоток, негромко произнес:

– Мы хотим предложить вам работу, господин Астахов.

Илья, чуть не подавившись от неожиданности, осторожно вернул чашку на стол и напряженно выпрямился.

– Спасибо, нет. Я могу идти?

– Вы даже не узнаете, что за работа?

– Мне не интересно.

Полковник побарабанил пальцами по столу и небрежно добавил:

– Тысяча кредитов.

Илье захотелось постучать себя по уху, чтоб услышанная цифра улеглась и дала себя осмыслить. Он зарабатывал в месяц чуть больше семидесяти кредитов – этого хватало на жизнь и оставалось немного на пиво. Тысяча позволяла оплатить Женькин колледж и снять на первое время квартиру в Верхнем Городе.

– Мне надо кого-то убить?

– Всего лишь достать небольшой груз со дна, – улыбнулся полковник.

Презрительная усмешка на губах лейтенанта стала заметнее.

– У вас нет своих дайверов? – удивился Илья, решив не обращать внимания на неприятную девицу. – Я-то вам зачем?

– Нет, – развел руками полковник. – Откуда? Мы занимаемся внутренней безопасностью.

Илья кивнул. Это понятно, внешних врагов у Города не было. Вряд ли кто-то из соседей мог создать боевой флот, оснастив его нормальным вооружением. Да и не было в атаке никакого смысла: кому нужен разрушенный город?

– Тем более что груз надо достать не просто со дна. Там затонувший корабль, а у вас как раз есть опыт работы в ограниченном пространстве.

– Целый корабль? И на какой глубине?

– Почти четыре тысячи.

– Сколько? – выдохнул Илья. – Нет, на такой глубине не работаю. Поищите другого.

– Илья, это очень важно для Города…

Полковник говорил мягко, почти ласково, как с неразумным ребенком, и Илья потянулся за недопитым кофе. Слушать про собственный долг перед Городом не хотелось – он ни у кого ничего не занимал. И рисковать ради красивых лозунгов не собирался. Хотя дело было даже не в риске: предложи ему это кто-нибудь другой, да хоть те же охотники, он бы и на четыре с половиной тысячи спустился. Даже за половину суммы. Но с падальщиками он работать не будет. Никогда.

– Илья, вы слушаете меня?

– Конечно, – серьезно согласился Илья. – Безопасность Города превыше всего! Жаль, что мне не хватает квалификации. Выберите другого героя.

Заставить они его не смогут, если только силой потащат. Правда, тогда и на глубине придется приставить к нему двух вооруженных охранников, которых у полковника не было. Илья спокойно допил кофе и вернул пустую кружку на стол. Жалко, смену пропустил, интересно, вычтут из зарплаты или нет?

– Илья, а вас устраивает ваша работа?

– А чем плоха моя работа? – Илья преданно уставился на полковника. – Мы все работаем на благо Города!

– Похвально… Но мне казалось, вы подавали заявку в гильдию охотников? Я мог бы посодействовать.

– Обойдусь, – отрезал Илья. – Я могу быть свободен?

– Может, вам надо время подумать? Пара дней у нас есть.

Подумать Илья тоже отказался.

– Ну что ж… – Полковник отодвинул в сторону бумаги и что-то быстро набрал на виртклавиатуре, будто марш на столе отбарабанил. – Не очень люблю такие методы, но вы не оставляете мне выбора.

На развернувшемся экране была незнакомая улица и, судя по вывеске, администрация одного из нижних секторов. С полминуты ничего не происходило, и Илья уже хотел поинтересоваться – а куда смотреть-то? Но только он открыл рот, как в поле зрения камеры попала группа подростков. Илья прищурился, пытаясь понять, что с ними не так. Понял. Лица у всех были закрыты цветными платками, волосы спрятаны в капюшоны, и стояли они так, что сразу становилось ясно, что дети не гулять вышли.

Крайний из группы вдруг размахнулся, и в дверь с гулким хлопком врезалась банка с краской. Остальные, словно по команде, тоже метнули банки, и по стенам здания потекли цветные полосы. Следующей мишенью стал припаркованный у тротуара кар – детишки резвились. Один подскочил к стене и быстро нарисовал зеленый полукруг, заляпывая краской прикрепленную табличку. Другой бросился к камере, размахнулся… и изображение остановилось. Илья замер, завороженно рассматривая картинку. С экрана на него смотрели карие, обрамленные густыми ресницами глаза. Так похожие на его собственные.

– Мне кажется, ваша сестра не очень хорошо понимает, как работает программа распознавания лиц. Вам показать результаты анализа?

– Это монтаж, – выдохнул Илья, отстраненно удивившись тому, какой хриплый у него голос.

– Ну что вы, – усмехнулся полковник. – Хотя можете потребовать экспертизу, ваше право.

Илья промолчал.

– Конечно, преступление несерьезное, шалость, можно обойтись и вынесенным предупреждением… Хотя испорчена собственность Города, повреждена стена, пришлось восстанавливать камеры с водорослями… Лейтенант, напомните мне, что предусмотрено по этой статье?

– До трех лет исправительных работ, – невозмутимо откликнулась Эндерсен.

– Она ребенок! – Илья даже не повернулся в сторону лейтенанта, продолжая смотреть на экран. – Вы не можете!

– Решать суду. Пятнадцать лет – это возраст полной ответственности, так что…

В горле пересохло, и Илья пожалел, что допил кофе. Сейчас оно было бы совсем нелишним. Что такое исправительные работы, он знал. Дальние фермы, работа по пояс в холодной воде и влажные, плохо отапливаемые бараки – искупление вины во имя Города! Иногда люди оттуда возвращались, отработав положенное: худые, со скрюченными артритными руками, бесконечно бьющим кашлем и потухшими глазами. В том, что сидящий напротив человек добьется максимального наказания в случае его, Ильи, отказа сотрудничать, сомнений не было.

– Все еще можно исправить. Дело будет закрыто, а на заработанные деньги вы сможете отправить сестру учиться. Она же талантливая девочка.

– Удачно у вас запись оказалась… – протянул Илья, пытаясь зачем-то выиграть пару минут. – Вовремя.

– Случайность, – пожал плечами полковник. – Я искал данные на вас, и тут в базе появилось новое дело с вашей фамилией. Успел забрать до того, как его передали в исполнительную службу, так что пока оно у меня. Решайте, Илья. Я все еще готов вам заплатить.

– И какие гарантии?

– Вам придется поверить мне на слово.

Поверить слову безопасника – глупее придумать было сложно, но, похоже, выбора ему просто не оставили. Ощущение выкрученных рук было настолько сильным, что даже плечи заломило.

– Мы можем перечислить аванс, если так вам будет спокойнее.

– А если я не справлюсь и не смогу вытащить?

– Если вы погибнете, то я буду считать ваши обязательства выполненными, – успокоил полковник. – Ваша сестра получит всю сумму.

Илья криво усмехнулся. Значит, умри или достань, других вариантов нет. Веселенькое дельце.

– Я могу посмотреть оборудование, с которым мне придется работать? Мое снаряжение на такую глубину не рассчитано.

– Конечно, лейтенант вам все покажет. Кстати, лейтенант Эндерсен пойдет с вами, и командует операцией тоже она. Все ее приказы обязательны к исполнению.

Испортить бочку дегтя дополнительной ложкой было сложно. Илья молча проглотил радостную новость, что командует им теперь эта дылда. Пусть хоть всем отделом с ним тащатся – он просто достанет груз и постарается их забыть.

– Детали операции вам тоже расскажет лейтенант Эндерсен… и если у вас больше нет вопросов – не задерживаю.

Илья поднялся, но у двери притормозил и обернулся.

– Почему именно я?

– Ваше начальство считает вас лучшим, – улыбнулся полковник. – Но если вы не справитесь, то у нас есть еще пара кандидатов.

Из кабинета вышли вдвоем. Илья чуть посторонился, пропуская лейтенанта вперед, и двинулся следом, упрямо наклонив голову.

На улицу они выходить не стали, Илья только забрал свой рюкзак и, повинуясь нетерпеливому взмаху руки, свернул в указанный коридор. Стройный ряд безликих серых дверей вызывал отвращение, и поделать с этим Илья ничего не мог. За этими дверьми работали люди, для которых человеческая жизнь ничего не значила. Безопасность Города превыше всего, а сколько смертей обеспечат ее – неважно. Не их смертей, чужих. Они выкручивали человеческие судьбы, как мокрое белье, ломали людей и выбрасывали оставшееся на помойку.

– Сюда. – Лейтенант свернула за угол и остановилась перед тяжелыми, кажется бронированными, дверями.

Илья дождался, пока створка отползет в сторону, и шагнул в темный проем. Тут же с тихим щелчком включились световые панели, и стало видно, что это гараж.

Лейтенант ловко обогнула черно-белый электробус и двинулась к небольшому двухместному кару. Илья остановился, разглядывая знакомую эмблему на дверце электромобиля: на чёрном фоне из-за Города выплывала распахнувшая пасть серебристая акула, то ли собираясь сожрать всех врагов, то ли угрожая сомкнуть челюсти на стенах самого Города.

Говорили, что изначально всемогущая СБ была всего лишь частной охранной фирмой, организованной двумя приятелями – отставными сотрудниками каких-то спецслужб. И основной задачей фирмы было охранять грузовые субмарины, склады, да иногда тупить с важным видом на входе в офисы. Но после Катастрофы серебристая акула вдруг вынырнула из темных складских ангаров, умудрившись не только разобраться с беспорядками на улицах, но и полностью подмять под себя полицию, получив место в Совете Города.

За семьдесят лет изменилось многое. Маленькая фирма разрослась до чудовища гигантского размера с непомерным аппетитом. Под контроль СБ попало все, начиная от генетического контроля и заканчивая торговлей с соседями. Единственное, что осталось неизменным: вычурная, пошлая эмблема, преследующая только одну цель – устрашение.

Илья сел на пассажирское кресло, втайне надеясь, что на этом этаже никого из знакомых он не встретит. Внизу сильно не любили тех, кто сотрудничал с падальщиками, а дополнительные неприятности ему были ни к чему: имеющихся и так достаточно.

– Офицер, как мне к вам обращаться? – вежливо поинтересовался Илья, дождавшись, пока кар вырулит из гаража. – Госпожа лейтенант?

Четырехкилометровых впадин рядом с Городом не было, а значит, им придется долго терпеть друг друга. Не то чтобы Илье было важно отношение сидящей рядом девушки, просто глубина не прощает ошибок. Работающий в двойке должен понимать напарника с полвздоха, чувствовать, как самого себя, иначе ничего хорошего не выйдет. Понятно, что сработаться с госпожой Эндерсен он не успеет, но можно хотя бы попробовать перевести отношения в нейтральные и не идти на глубину с врагом. А то он сейчас под ее взглядом ледяной коркой покроется. Хотя, может, она просто суперкарго и ему повезет с другим напарником?

– Ты гражданский… – протянула лейтенант таким тоном, что Илья физически почувствовал, как на лоб шлепнулось клеймо «недочеловек». – Зови Рокси. Или по фамилии. Роксана – не люблю.

Илья кивнул – имя ей подходило. Резкое, злое и вызывающее желание держаться от его хозяйки подальше.

– На сколько дней… командировка?

– Если все пойдет штатно, дней десять.

– Когда выходим?

– Можем завтра с утра, но, если тебе надо время на подготовку, пара дней погоду не сделают.

Илья задумался. Времени много не надо, если у них все в порядке со снаряжением – лишь забежать на работу отпуск оформить. А оттягивать неприятное – только себя накручивать, чем быстрее разберется, тем лучше.

Кар, закончив петлять по узким улочкам, затормозил напротив шлюзовых ворот. В закрытый ангар их пропустили без лишних вопросов.

– Пиранья? – недоверчиво выдохнул Илья, остановившись перед зависшей на антиграв-подушке субмариной. – Правда, что ли?

Как любой нормальный мальчишка, в детстве он прочитал про подводные лодки все, что было в городской сети. А сколько часов было убито на вирт-симуляторах, где можно предста-

вить себя отважным героем, бороздящим бескрайние просторы мирового океана, не сосчитать. На десятилетие родители сделали ему королевский подарок, арендовав на целый день прогулочную субмарину, а отец даже пустил за пульт управления. Здорово они тогда покатались.

Но «Пиранью» он раньше так близко не видел – в их гильдии лодочки были поскромнее, просто рабочие лошадки. Эта была красоткой. Очень миниатюрной красоткой: три метра шириной, не считая «крылья», и четырнадцать длиной, из которых треть приходилась на технический и шлюзовой отсеки. Субмарина относилась к сверхмалым подводным лодкам специального назначения, и изначально проектировалась как диверсионная машина, способная перевозить боевых пловцов и подбираться почти вплотную к берегу. Отсюда и «зубастое» название, хотя внешне лодка больше напоминала миролюбивую китовую акулу с ее приплюснутым широким носом и растопыренными боковыми плавниками, чем хищную рыбку. На свой древний, второй половины двадцатого века, прототип она тоже не была похожа: тот был в три раза больше и в сто раз неуклюжей.

«Пиранья» могла разгоняться до шестидесяти пяти узлов и находиться в автономном плавании до месяца. Собственные системы генерации кислорода, очистки воздуха и опреснения воды. Юркая и быстрая – мечта, а не лодка. Не зря охотники ее тоже любят… Хотя они все-таки предпочитают лодки побольше и повместительнее, «Тимеры» или «Тритоны», например. Эта уж совсем какая-то маленькая мечта, похоже, двухместная.

Модификация субмарины была научно-исследовательская: никакого вооружения, зато носовая палуба почти полностью открытая, и в огромный скошенный иллюминатор было видно кресло и пульт управления.

Люк сверху распахнулся, и из недр лодки вышел человек, шустро спустился по лестнице, закрепленной на белоснежном, с серебряной сеткой антиграва корпусе, спрыгнул на пол. Одет он был в такую же черную форму, что и Рокси, только на плече было нашита не одна планка, а две. Еще один падальщик.

– Капитан. – Рокси бросила руку вверх, на секунду прижав два пальца ко лбу, и тут же уронила ее обратно.

– Привет, Эндерсен. Когда выходите?

– Снаряжение хочет посмотреть.

Капитан повернулся и окинул Илью оценивающим взглядом: судя по тому, как скривились губы, оценка вышла так себе. Ниже среднего. Илья отзеркалил взгляд, но к чему придраться, не нашел. Стоящий напротив блондин был идеальным солдатом: здоровый, накачанный и влитый в мундир, как молоко в стакан. Выступающий вперед подбородок капитана радовал своей правильной геометрией, напоминая квадрат, а в голубых глазах не было даже тени мысли. Можно сразу на обложку брошюры «Враг не пройдет! СБ на страже безопасности Города!» помещать. Где их только таких штампуют… Вот так же, ухмыляясь, шею свернет, перешагнет через тело и дальше пойдет. Капитан отбросил в угол какую-то тряпку (пыль он там, что ли, вытирал?) и, кивнув Рокси, направился к выходу из ангара.

Илья снова посмотрел на лодку. Или все-таки четырехместная? Двигатели и системы жизнеобеспечения у нее в «крыльях», и если убрать технический отсек, то вполне можно еще каюту воткнуть.

– А сколько человек в экипаже?

– Мы с тобой, – сообщила Рокси. – Что-то не так?

– Все так, – поскучнел Илья.

– Тогда шевели задницей, хватит тупить.

Илья мрачно посмотрел на лестницу и попытался себя убедить, что с любым напарником можно сработаться. И вообще это всего на десять дней. Вышло не очень.

Внутри субмарина была даже лучше, чем снаружи – вот что значит для ученых делали, а не для вояк. Стены и потолок были обшиты светло-желтым пластиком, темный пол мягко пружинил под ногами, гася лишние звуки. Илья сунулся в ближайшую каюту: за беззвучно уползшей в стену дверью был камбуз. В углу притулился темный стол и две табуретки под ним, у правой стены – высокий холодильник, раковина и варочная поверхность. Даже иллюминатор с ярко-желтой шторкой имелся. Неплохо. На одном из шкафов был нарисован красный крест, а под ним – перекрещенные отвертки. Судя по всему, камбуз одновременно был и медотсеком, и каптеркой.

– Иди сюда, – позвала Рокси откуда-то из недр субмарины. – Чего застрял?

Пришлось прекратить любоваться интерьером и двинуться в указанном направлении. Хвостовая часть была попроще – здесь работали, а не отдыхали. Воздух был не безвкусно-стерильным, а слегка горьковатым, с примесью запаха смазки и резины. Пол наискосок пересекали глубокие царапины, словно по нему тащили что-то тяжелое и колючее. Вдоль стены стоял пустой стеллаж. Скорее всего, раньше там хранили оборудование, но сейчас на нижней полке лежало два одинаковых пластиковых баула, а на самой верхней – ящики с мембранными модулями для жабр. Илья подошел и дернул на себя крайний баул.

Вытащенный из сумки гидрокостюм был куда солиднее его собственного: толще, с титановым напылением и усиленный защитными пластинами. И антиграв необычный: не тонкие нити, а отдельные чешуйки. Это хорошо, незамкнутый контур сложнее повредить. Илья покрутил в руках комбинезон и, подумав, стянул футболку и джинсы. Гидра, конечно, хороша, но если не подойдёт, работать будет невозможно.

Гидрокостюм сел как влитой: то ли безопасники угадали с размером, то ли были уверены, что заставят работать и подготовились. Скорее второе. Илья легко достал пол ладонями, сложившись почти пополам, а потом опустился на корточки и завел руки за голову. Рокси стояла молча, никак не комментирую его действия.

– Ты свой мерила? – поинтересовался Илья, стараясь, чтобы в голосе не звучала откровенная неприязнь. – Или ты в нем уже работала?

– Он моего размера.

– Размер – это ерунда, – возразил Илья, радуясь, что Женька за последний год закалила его нервы до состояния высокопрочного титанового сплава. Получилось удержаться и не обозвать «напарницу» дурой. – Если плохо сядет, ты не сможешь в нем нормально двигаться.

Рокси подумала и, признав аргумент серьезным, дернула собачку на молнии, расстегивая форменную рубашку.

– Мне выйти?

– Ты мне не мешаешь. – Рокси бросила рубашку на стеллаж и принялась за брюки. – Но если тебе надо, выходи.

Илья пожал плечами и направился к узкой лавочке: ему точно не надо, да и ближайшие десять дней им все равно придется провести в очень маленьком и тесном пространстве, тут не до светских манер. Интересно, здесь хоть кроватей две?

Запустил полную диагностику гидрокостюма, покосился на раздевшуюся девушку… и, приподняв одну бровь, уставился уже не скрываясь, тем более что Рокси стояла к нему спиной. Фигуру женской назвать было сложно, скорее мальчишеской: узкие бедра, широкие плечи и четко прорисованный рельеф мышц. На правой лопатке татуировка. Очень реалистичная татуировка. Синекольчатый осьминог, одна из самых ядовитых тварей океана, способная, несмотря на свои скромные размеры, убить человека. Желтовато-коричневый спрут разбросал свои щупальца, пытаясь дотянуться до ложбинки вдоль позвоночника и ребер, а самое длинное, украшенное синими кольцами, гладило свою хозяйку по шее. От яда именно этих осьминогов противоядия не существовало.

Илья болезненно поморщился. За мыслями о предстоящей экспедиции он начал забывать, с кем именно имеет дело. Ему как-то пришлось видеть падальщиков за работой, и забыть уведенное не получалось.

Люди всего лишь собрались перед администрацией района, недовольные очередным повышением цен, но местная полиция испугалась и вызвала безопасников. Илье было всего пятнадцать, и он наблюдал за разгоном митинга, забившись в щель рядом с каким-то подъездом. Черные шлемы, за которыми не видно лиц, и одинаково выверенные, скупые движения. Безопасников было на порядок меньше митингующих, но люди ничего не смогли сделать. Илья сам видел, как человек в черной форме играючи раскидал пятерых нападающих, словно те были не взрослыми крепкими мужиками, вооруженными пластиковыми дубинками, а группой из детского сада. Позже, вспоминая, он понял, что работяги не умели драться в группе и больше мешали друг другу, чем нападали, но скорость, с которой двигались падальщики, была нереальной. То, как они врезались в толпу, словно нож в масло, раскидывая людей и моментально вычленяя зачинщиков, укладывая последних на пол, тоже производило сильное впечатление. Им потребовалось каких-то десять минут, чтобы всех разогнать. А потом по улицам провели десятка два задержанных, наглядно демонстрируя, что будет с остальными, попробуй они хоть слово против сказать. Стоящие на тротуарах люди не вмешивались, не пытались отбить арестантов, только отводили взгляд. Илья стоял в толпе, чувствуя выжигающую беспомощность, и это было куда хуже, чем получить кулаком в лицо или живот. Рабская покорность, подчинение силе, безропотность стада и жгучий стыд за себя.

Илья наконец понял, что именно его раздражает в Рокси. Ощущение угрозы было во всем. В том, как плавно она двигается, как смотрит, словно сканируя взглядом, даже в этом нарисованном спруте на плече. И в электрошокере, вроде небрежно брошенном на стеллаж, но так, чтобы можно было моментально схватить и нажать спусковой крючок, выпуская на волю пару заряженных дротиков. Хорошо, что в Городе огнестрельное оружие запрещено, тазер хотя бы не убивает, просто вызывает длительный нейромышечный паралич.

Жизнь внизу научила, что выживают не те, кто сильнее, а те, кто сообразительнее. И что нет ничего постыдного в бегстве и ударе в спину – жизнь дороже. А еще научила моментально считывать опасность и оценивать угрозу. Илья неожиданно подумал, что если вдруг, по какой-то глупой случайности, он бы оказался против Рокси на ринге, то на себя бы не поставил. Несмотря на имеющееся гендерное преимущество и регулярные тренировки на этом самом ринге.

– Кажется, тесновато… – неуверенно пробормотала Рокси, натянув гидрокостюм на плечи. – Или нормально…

– Он еще растянется, когда намокнет… Подожди-ка, – Илья недоверчиво мотнул головой, чувствуя, как внутри разрастается неприятное предчувствие. – Какой у тебя опыт работы на глубине?

– Десять часов. Нас учили.

– Сколько? – недоверчиво выдохнул Илья. – Около Города?

– Да.

Желание высказать этой идиотке все, что он о ней думает, было настолько сильным, что Илья скрипнул зубами. Надо возвращаться к полковнику и объяснять, что это безумие какое-то. Может, у полковника этих лейтенантов – вагон и маленькая тележка, одним больше, одним меньше – не жалко, но он-то, Илья, при чем? Да у Женьки больше часов за стенами, чем у этой!

– Стоп, так я не договаривался. Давайте другого… сопровождающего. С тобой я не пойду.

– Пойдешь, – отрезала Рокси, продолжая дергать застежку комбинезона. – Тебе заплатили.

– Меня заставили!

– Но от денег ты не отказался, – презрительно процедила Рокси, поворачиваясь. – Так что заткнись и работай!

– Ну да, мне еще и бесплатно надо было согласиться, – огрызнулся Илья. – Чисто из любви к вам.

Рокси подошла ближе и отчеканила:

– Ты работаешь со мной! Без вариантов!

Если бы не Женькина мордашка на экране, он бы сейчас сообщил, куда они могут засунуть свои деньги и приказы. И где он их всех видел. Но угроза сестре была слишком реальной, и Илья попробовал еще раз:

– Ты не понимаешь…

– Это ты не понимаешь! – перебила Рокси. – Это очень важно, и у нас нет других пловцов. Мы туда пойдем и достанем груз! И если ты начнешь дурить, я тебя заставлю, уж поверь мне. Лучше тебе меня не злить, чистильщик.

– Наймите еще одного!

– Нет! Секретная операция, и гражданские – это всегда риск.

– Что такого секретного мы собираемся достать?

– Тебя не касается!

Ну и черт с ней! Он согласился достать груз, вытаскивать живого лейтенанта он не обещал. Будет одним падальщиком меньше.

Илья поднялся и отрывисто скомандовал:

– Руки в стороны!

Рокси насмешливо приподняла брови, явно собираясь поинтересоваться, где Илья успел перегреться и с чего у него мозг расплавился.

– Руки разведи, посмотрю, как гидра сидит.

Как ни странно, но приказ Рокси выполнила, только губы скривила в презрительной усмешке. Илья, не обращая внимания на ее недовольство, быстро провел руками по комбинезону, проверяя, и отступил назад.

– Где остальное снаряжение? Или ты планируешь пешком спускаться?

Аквабайки нашлись в шлюзовом отсеке. Обычные, Илья на таких не одну сотню часов накатал: темно-синий гидроцикл с небольшим килем, соплами водометов и выступающей рулевой панелью. Илья проверил заряд аккумуляторов, хмыкнул, оценив стоящую в углу шлюзового отсека лебедку (они что, весь корабль собрались поднимать?) и вернулся обратно. Надо было проверить остальное.

Запасные мембранные фильтры показывали полную зарядку. Два аварийных баллона с тримиксом, кислородно-азотно-гелиевой смесью, были заправлены до упора и нареканий тоже не вызвали. Последним, покопавшись в бауле, Илья вытащил арбалет и недоуменно покрутил в руках яркую игрушку сантиметров пятнадцать длиной, не очень понимая, зачем ту сунули в сумку. Ее можно было красиво повесить на пояс и гордо рассекать на байке, производя впечатление на подружку, или попытаться подстрелить столь же бессмысленного карасика, если тот вдруг случайно попадет на глубину, замрет напротив охотника и благородно подождет, пока к нему стрела приплывет.

– Это не годится. Мне надо нормальный, пяти, а лучше семизарядный. В идеале – углепластиковую «бишку», но можно что-нибудь попроще.

– Ты там что, охотиться собрался? Продуктами нас и так обеспечат.

– Я там выжить собрался, – разозлился Илья. – Если у вас нет, я свой возьму, а этот можешь подружкам подарить.

С тех пор, как климат на планете сломался, океаническая живность хлынула в прохладный Южный океан. Солнечные лучи при отсутствии озонового слоя прогрели теплые океаны до совсем уж непотребной температуры, превратив те в кипящий суп, попутно уничтожив планктон и лишив остальных морских обитателей пищи. Южному океану в этом плане повезло больше, основная озоновая дыра была над северным полушарием, и жизнь в толще воды выдержала удар стихии. Да еще Кергеленское плато в то время, когда бушевали вулканы, решило не отставать от взрослых сородичей и обзавелось «курильщиками», немного подогрев воду, словно специально расстаравшись для дорогих гостей. Так что белые акулы, а иногда и косатки никого уже не удивляли. Говорят, даже стаи адаптировавшихся барракуд встречаться начали. Но главное, в условиях скудной кормовой базы вся эта зубастая и быстро плавающая свора совершенно игнорировала тот факт, что человек находится на верхушке пищевой цепочки. Некоторые, особо наглые, не ограничивались попытками сожрать одинокого охотника, а приплывали прямо к городу, похоже, принимая его за ресторан с обширным меню.

Стоящая напротив него девица с зашкаливающим самомнением явно считала, что она их голыми руками порвет. Она-то, может, и порвет, кто ее знает, а он точно нет, и лучше иметь под рукой нормальное оружие.

– Завтра к утру будет тебе «бишка», – пообещала Рокси. – Что-то еще?

Илья подумал и ухмыльнулся.

– Мороженого.

– Что?

– Мороженое. – Илья пожал плечами – если уж нельзя попросить другого напарника, то пусть хоть мороженое будет. – Это еда такая, сладкая и холодная. Можно две упаковки. Молочного.

– Еще что-то?

– Больше ничего. Во сколько выходим?

– Восемь тебя устроит?

– Да.

Илья двинулся к выходу, не попрощавшись. Невежливо, конечно, но и сказать, что ему здесь были рады, тоже нельзя. Так что все нормально. Дошел до лестницы, взялся руками за перекладину и, не сдержавшись, тихо процедил:

– Чертовы падальщики!

Стараясь, впрочем, чтобы его никто не услышал.

Слух у Рокси оказался хорошим. Илья успел только дернуться и замер, чувствуя, как в горло уперлось что-то острое и холодное.

– Еще раз меня так назовешь, – прошипела сбоку Рокси. – И назад вернешься по частям. Понял меня? – И выплюнула, почти проглотив первую букву: – Краб!

Почему-то негласное прозвище чистильщиков в устах Рокси прозвучало как откровенное оскорбление, но когда тебе в шею тычут ножом всякие сумасшедшие, гордость не кажется такой уж хорошей штукой. Илья сглотнул и едва заметно кивнул.

– Да, мэм. Ясно, мэм.

– Ты мне тоже не нравишься, – проинформировала Рокси, отводя в сторону руку. – Но придется потерпеть, нам надо выполнить приказ. Не опаздывай завтра, краб.

Из сектора Илья вылетел, кипя от злости и не замечая ничего вокруг. Притормозил только у лифтов и, окинув взглядом стоящих людей, отошел в сторону. Ничего, подождет сле-

дующего: кабинки на магнитной подушке двигались одна за другой, а толкаться не было никакого желания. Сейчас бы взять свой байк и рвануть подальше от города, туда, где нет никаких безопасников с их дурацкими играми, только бешеный напор бьет в защитный экран, вымывая из головы лишние мысли. Но у него нет времени, ему велено не опаздывать! Приказано!

Полупрозрачные створки беззвучно скользнули в стороны, и Илья шагнул в пустой лифт. Дождался, пока тот тронется, запрокинул голову и громко выругался, перейдя на русский.

К концу двадцать первого века глобализация окончательно перемешала нации и расы, а сверхзвуковые скорости сделали планету маленькой. Универсальный язык родился сам собой, лингвисты лишь немного его обработали, и удобство общего перевесило недовольство радетелей за сохранность исторических корней. Но дома родители говорили на русском, и Илья вырос билингвой, легко переходя с языка на язык. Бабушка пыталась учить еще французскому, утверждая, что каждый воспитанный человек просто обязан знать язык Вольтера. Впрочем, без особого успеха: то ли у Ильи не было особой склонности к языкам, то ли бабушка умерла слишком рано, не успев вбить в детскую голову нужные знания, но с изящной французской словесностью дружбы у Ильи не сложилось. Русский с уходом родителей стал не нужен, но Женьку Илья все равно учил, скорее в попытке не отпустить прошлое, чем по необходимости. А злиться ему всегда было проще на языке предков.

Лифт на нецензурную тираду не среагировал, тихо скользя вниз, и когда пол мягко спружинил под ногами, Илья почти успокоился. Вляпался так вляпался, надо выляпываться, а не сотрясать воздух, жалуясь на несправедливость судьбы.

***

На работе все формальности удалось утрясти достаточно быстро. Никаких вопросов отводящему взгляд начальнику Илья задавать не стал. Если бы ему самому позвонили из СБ и вежливо попросили одолжить сотрудника, он бы тоже ничего сделать не смог, а уточнять, почему колесо фортуны проехалась именно по нему, было неинтересно. Правда, в качестве компенсации за полученный моральный ущерб попросил во временное пользование служебный арбалет. Начальник согласился с таким явным облегчением, что Илья понял, что продешевил: надо было навсегда требовать!

Женьки дома не было, и Илья с трудом удержался, чтобы не отправить сообщение с приказом срочно явиться. Выдергивать Женьку из школы было совершенно непедагогично, да и самому следовало перестать злиться. Желание вернуться к средневековым методам воспитания и достучаться до мозга через ягодичные мышцы было просто нестерпимым, но все умные и солидные книги, которые Илья читал, пытаясь заменить Женьке родителей, категорически не одобряли подобного.

Илья совершенно не понимал, чего Женьке так не хватает в жизни, что ее понесло добиваться мифической правды экстремальными методами. Почему она не хочет принять, что справедливости не существует, и можно лишь пытаться не переступать через свои принципы, выживая в этом прогнившем до самого дна мире.

Хелен всегда говорила, что Илья просто избаловал Женьку, позволяя сестре слишком многое. Хелен было легко рассуждать: она не чувствовала вины за то, что у нее мама была, а у Женьки нет. Он мог тогда не оформлять опекунство, и Женьку бы наверняка удочерили. Маленькая девочка с хорошей наследственностью – генетическая карта «А1»! – ее бы забрали в Верхний Город. Но он испугался потерять еще и сестру. Лишил Женьку шансов на семью и обеспеченное будущее из-за своего эгоизма. Во всем, что сейчас случилось, был виноват он сам. Не смог объяснить, оградить и уберечь, не его уровня оказалась задача.

Илья меланхолично засунул в рюкзак пару чистых футболок, носки и белье. Подумал и добавил толстовку: почему-то после глубинных погружений всегда знобит. Делать больше было решительно нечего, и Илья сел за терминал.

Кергеленское плато было вытянуто почти на две тысячи километров на юго-восток, и самые глубокие его точки были чуть больше четырех километров, до каждой из них можно добраться часа за три. Нечего там делать десять дней. Да и корабль там может обнаружиться, если он затонул совсем недавно: родное плато было изучено досконально, и ни одного судна там не валялось. А если учесть, что корабли нынче просторы мировых океанов не бороздят, то, значит, искать придётся не здесь.

Илья вспомнил количество воздушных фильтров: штук сто, каждого хватает на час, значит десять на смену, два про запас, выходит вдвоем работать не больше трех-четырех дней. Шесть дней на дорогу туда-обратно. Вряд ли они пойдут на максимальной скорости, скорее узлов сорок, не больше, а значит, примерно полторы тысячи миль. Илья подтянул к себе экран и нарисовал вокруг города круг. Экран тут же раскрасился оттенками синего, показывая глубины в заданном секторе.

– Значит, за хребет пойдем, – задумчиво пробормотал Илья, дополнительно увеличивая карту. – Интересно, что они там нашли…

Австрало-антарктический котлован начинался за хребтом Кергелен на северной оконечности плато, глубины имел подходящие, но ожидать, что там покоятся стройными рядами пиратские каравеллы с трюмами, под завязку набитыми золотыми дукатами и талерами, не приходилось. Древние морские пути мимо Антарктиды не проходили, а значит, и тонуть было нечему. Вывод из этого напрашивался просто отвратительный. Мало того, что корабль, скорее всего, современный, с замысловатыми внутренними переборками и крепким корпусом, так еще и лежит так, что его до сих пор не нашли. Либо эта каракатица с лейтенантскими погонами считать не умеет, и плыть им еще дольше. Главное, чтобы эта ненормальная не решила уложиться в график за счет уменьшения часов на погружение и не орала потом, что «тупой краб» все испортил.

Илья еще немного покрутил карту, но так и не смог определиться с местом назначения. Ясно, что не к Марианской впадине пойдут, а куда точно – непонятно. Подумал и открыл другое окно.

На форуме дайверов было тихо. Ни про какие недавно найденные корабли никто не упоминал – народ лениво спорил, обсуждая новые гидрокостюмы с тетмо-волокном. Спор был давний. Илья выступал на стороне консерваторов, предпочитая старый проверенный неопрен, благо вспененную резину из водорослей делали легко и стоили гидры недорого. Производитель новинки, правда, обещал, что в новом комбинезоне теплее, комфортнее, а самое главное – безопаснее. При ударе ткань мгновенно твердела, обеспечивая защиту владельцу: если неудачливого дайвера вдруг решит сожрать какая-нибудь голодная и зубастая рыбка, гидрокостюм ей не даст. Правда, не дольше пяти минут, дальше сами выкручивайтесь, но все же. Основным контраргументом противников была цена – такое под силу купить только мажорам с верхних этажей, а нормальному глубинщику год надо не есть и не пить. Илья подозревал, что в случае нападения акулы дайвер предпочтет самолично оторвать ей голову до того, как она попортит новый комбинезон. И вообще от рыбок опытный дайвер и так отобьется! А если не отобьется, так нечего из Города выходить, глубина – не добрая мамочка! И не место для романтических прогулок. Сначала лезут, не умея, а потом ноют, что утонули!

Илья открыл другую ветку. Долго вчитывался, а затем фыркнул: Санек, конечно, дайвер опытный, но и брехло изрядное. Скажет тоже, мурена десятиметровая. А чего сразу не двадцати? Народ тоже не верил и допытывался, чего Санек перед выходом употребил. Санек активно обижался и клялся здоровьем любимой матушки, утверждая, что в закрытой зоне и не такое встретишь. Илья не выдержал и включился в дискуссию, поинтересовавшись, чего Санька туда вообще понесло: там корпуса недостроенные, реактор заглушенный. Не зря зону закрытой объявили – от утечки радиации никакой страховки нет, охота дозу хватануть? Сталкер недоделанный.

Тихо зашипела входная дверь, и Илья посмотрел на часы. Надо же, почти на два часа на форуме завис. Зато отвлекся.

– Привет, а ты чего так рано? – Женька бросила рюкзак в угол. Туда же отправилась короткая джинсовая куртка. – Случилось что?

– Случилось, – кивнул Илья. – Садись, поговорить надо.

Все заготовленные заранее правильные слова, как это обычно и бывает, моментально выскочили из головы, оставив вместо себя короткие и емкие, но крайне нецензурные выражения. Илья тяжело вздохнул. И кто только додумался утверждать, будто дети – лучшее, что есть в жизни? Да он свихнется, пока у Женьки пройдёт переходный возраст!

– Илюша, – с ужасом выдохнула Женька, шлепаясь в кресло. – Тебя уволили? Да? Ты не переживай! Я правда могу официанткой пока поработать, а школу закончить и дистанционно можно! Ты не расстраивайся, мы прорвемся! Я что-нибудь придумаю!

– Никто меня не уволил! – Илья даже рукой помахал, пытаясь остановить словесное цунами. – Успокойся!

Обвинять Женьку в произошедшем расхотелось окончательно. Она сделала глупость, он не уследил, и ругаться не было никакого смысла. Если начать на Женьку орать, то она только замкнется в себе, выпустит иголки и окончательно уверится, что брат у нее – ничего не понимающий в жизни деспот. Гораздо важнее объяснить, какие последствия имеет человеческая глупость и чем все закончится, если она продолжат так развлекаться. А еще – что она всегда, что бы ни случилось, должна идти к нему. Он разберется.

Женька слушала молча, сцепив пальцы в замок и ни разу не перебив.

– Мне в следующий раз могут не назвать цену за тебя, – вздохнул Илья. – Остановись. Вы ничего такими методами не добьетесь, это бессмысленно. И может так оказаться, что я не смогу помочь. Против чего вы бунтовали?

– Ты… согласился работать с падальщиками? – каким-то помертвевшим голосом произнесла Женька, не обратив внимания на заданный вопрос. – С падальщиками?

– Жень! Ты меня слушала? Тебя бы на исправ…

– А как же мама? – перебила Женька. – Ты маму предал.

Слова застряли в горле, разом перекрыв дыхание, и Илья судорожно сглотнул. Женька, бросив ему в лицо обвинение, молчала. Только замерла с неестественно прямой спиной на самом краю сиденья.

– Лучше, если бы они тебя взяли?

– Да. Я знала, что так может быть, и что рано или поздно мне придется прятаться. И что я могу не успеть спрятаться. Знала, понимаешь? И что ты считаешь, что надо сидеть и не высовываться, я тоже знаю. Это твое право – так думать. А мое – по-другому. Я считаю, что надо драться. Чтобы они не могли просто так убивать. Мама погибла, потому что все молчали, потому что их не касается. Ведь стучат в соседнюю дверь, а не к ним. Они такие, как ты. Вы отворачиваетесь к стенке, когда они идут. Боитесь. Я не хочу быть такой. Я не просила тебя помогать, особенно так.

Женька не кричала, не пыталась что-то доказать, просто… информировала. Слова падали как булыжники, беззвучно зарываясь в ил, – не сдвинуть, и не исправить.

– Илья, откажись. Пожалуйста. Или я пойду в полицию и признаюсь, что там была я. Напишу заявление.

Илья встал, зло смахнул висящие в воздухе экраны и уставился на Женьку.

– Можешь идти. Контролировать тебя не буду, запирать – еще глупее. Я завтра ухожу в любом случае, пойдешь ты или нет.

– Илья!

Илья развернулся и молча пошел к выходу.

Как погибла мама, он узнал от отца. Тот, в очередной раз раздобыв дозу «мурены», сидел на кухне, буравя стену бессмысленным взглядом. И говорил, не замечая присутствия сына. А потом заплакал, бессвязно бормоча, что он трус, что должен был пойти разобраться с падальщикам, а не брать компенсацию.

Илья пять лет был уверен, что его мать пожертвовала собой во имя Города, и даже гордился этим. Он помнил, как позвонил человек в черной форме и долго говорил, что доктор Астахова – настоящий герой, и Город ее не забудет. И только тогда, на маленькой кухне, из сумбурной речи отца, он узнал, как именно Город решил оценить героизм его матери. А падальщики привели приговор в исполнение. Никому не нужны подвиги, героев сжигают на кострах и сметают пепел в совок, как мусор с улиц. Женьке он рассказал уже сам, решив, что та имеет право знать. Идиот.

А сейчас получается, что он ничем не лучше отца. Он тоже взял деньгами. И Женька права, он их боится. Воспоминание о липком страхе, ползущем по спине под холодным взглядом полковника, было настолько мерзким, что Илья зарычал, не заметив, как шарахнулась в сторону проходящая мимо парочка.

***

Сколько он бродил по улицам, Илья точно не знал. Часа три или четыре. Опомнился, только сообразив, что упорно сворачивает к лифтам. Если спуститься этажей на десять, окажешься на самом дне Города, как в прямом, так и в переносном смысле: там легко можно купить дозу «мурены», снять за полкредита девочку на ночь или нарваться на хорошую драку. Первые два пункта Илью не интересовали, а вот третьего хотелось уже капитально, даже кулаки чесались – лишь бы на время отключить мозг, чтобы он перестал, наконец, думать!

Илья постоял на развилке и свернул направо. Работать на глубине с разбитой мордой (а еще лучше – с сотрясением) не самая хорошая идея, лучше в «Йоко» зайти, предупредить, что его не будет почти две недели.

– Привет, Илюх, чего у тебя морда такая похоронная?

– А где Вики? – удивился Илья, разглядывая стоящего за барной стойкой Яна. – Она жива?

Бар был вотчиной Вики, и пустить туда Яна, у которого из рук падает все, что намертво к этим рукам не привинчено, Вики могла только в случае глобальной угрозы. Например, если ее захватили и удерживают в заложниках, и единственный способ выжить – уничтожить свой бар руками Яна.

– Она сама попросила тут постоять, – обиделся Ян. – Но если я тебя не устраиваю, могу ее позвать.

– Выпить дай.

– Пиво?

– Покрепче.

Ян отвернулся и уставился на полки со стройными рядами бутылок, задумчиво шевеля губами. Илья подождал пару минут, подвинул зависшего приятеля в сторону и взял первую попавшуюся бутылку. Посмотрел на этикетку, удовлетворенно хмыкнул и заорал:

– Вики, я бутылку «Барракуды» взял, ничего?

– А зачем тебе целая бутылка? – удивилась Вики, выходя из неприметной двери в углу. – Здравствуй, Илья.

– Выпью, – честно признался Илья. – Очень хочется.

Темно-коричневый, почти черный напиток с солоновато-горьким привкусом имел одно неоспоримое преимущество: крепость почти сорок градусов. То, что надо. Ни сладковатого вина из водорослей, ни пива сейчас не хотелось. Илья отсалютовал бутылкой и направился к дальнему столику.

Бар был почти пуст: заведение, рассчитанное на мелких клерков с верхних этажей, бурлило жизнью на выходных, а не посреди рабочей недели. Занят был лишь один столик, да и тот скучающими в ожидании клиентов девочками. В другое время Илья обязательно подошел бы поздороваться или просто поболтать, но сегодня не было настроения, и он ограничился взмахом руки, показывая, что тоже рад их видеть.

– Ну? – поинтересовалась Вики, занимая соседнее кресло. – Насколько все плохо? По десятибалльной шкале?

– Десять – это отлично? – уточнил Илья и, дождавшись кивка, мрачно сообщил: – Тогда минус сто.

– Ясно… – протянула Вики и, повернувшись, скомандовала: – Ян, сбегай на кухню, пусть сообразят что-нибудь поесть. И стакан ему притащи, а то он уже из бутылки пить собрался. Дина, позови Хелен.

Илья, проводив взглядом метнувшегося в сторону кухни Яна, только приподнял бровь: ну как с таким умением строить алгоритмы он умудрился стать программистом? Сначала стакан, потом – еду!

Столики были отгорожены друг от друга тонкими перегородками – при желании их можно было сделать непрозрачными. Хозяйки «Йоко» трепетно относились к приватности, обещая своим клиентам полную конфиденциальность. Почти полную, если та не угрожает безопасности Города.

Ян, водрузив на стол тарелку с жареной рыбой и приземистый стакан (наконец-то!), с независимым видом уселся рядом. Подошедшая Хелен молча посмотрела на гордо стоящую в центре стола бутылку и стукнула пальцем по сенсору на столе. Перегородка подернулась едва заметной рябью.

– Меня падальщики вызывали, – буркнул Илья, откручивая крышку с бутылки.

– Та-а-ак…– Хелен вдруг решительно выхватила бутылку из рук Ильи и отставила в сторону. – Трезвый рассказывай, успеешь напиться.

То, что мир несправедлив, он давно знал, но это была какая-то квинтэссенция несправедливости! Илья возмущенно уставился на Хелен, но та покачала головой. Пришлось смириться и подтянуть к себе тарелку с едой.

Хелен переспрашивала, задавала вопросы и заставляла повторять. Илья добросовестно вспоминал, что ему сказал полковник, честно признавая, что он понятия не имеет, куда они идут и зачем.

К концу рассказа на тарелке остались только кости и рыбий хвост – стресс стрессом, но ужин – это ужин!

– Ты идиот, – припечатала Хелен. – Тебе же предлагали подумать, а так ты мне времени не оставил совсем! Надо было не отказываться и сразу бежать сюда!

– Хел, ладно тебе, не ругайся, – остановила подругу Вики. – Давай лучше думать, как выкручиваться. Я считаю, надо прятаться. Илья завтра не придет, они немного поищут и успокоятся, другого возьмут, а Женькино дело мы попробуем выкупить.

– Не выйдет, – качнул головой Илья. – Я уверен, что он блефовал. Нет у них больше никого, они будут меня искать до упора.

– И чего в тебе такого эксклюзивного? – удивилась Хелен. – Самомнение?

– Погружением на серьезные глубины в Городе не так много народу занимается. И я их всех лично знаю, – пожал плечами Илья. – Знаете, сколько из них чистильщиков?

Илья выдержал паузу и поднял вверх указательный палец.

– Один. И этот один – я.

Спуститься на четыре тысячи могли еще сорок шесть дайверов, но ни один из них не умел работать в замкнутых пространствах. Обычный спуск – это просто спорт, адреналин, развлечение, а лезть в корабль – тут уметь надо. И техника другая, и задача, все другое.

– А тебя-то чего на такие глубины понесло, – удивилась Хелен. – Экстрима не хватало?

– Нет, просто хотел в охотники. Думал, посмотрят в резюме – а там я, такой красивый, максимальная рабочая глубина три шестьсот, стреляю с обеих рук, ну и так далее.

– Ага, а посмотрели в твое резюме другие, – согласилась Хелен. – А почему они не могут из тех же охотников выбрать?

Илья объяснил. Охотникам внизу делать нечего, вся дичь плавает ближе к поверхности, а иногда и по берегу ходит, так что искать среди них глубинщиков бессмысленно. Ловцы удачи или сталкеры, как они любят себя называть, свое резюме в открытый доступ не выкладывают, их еще найти надо, и, насколько Илья знает, они тоже больше по поверхности бегают, чем по дну, так что тоже мимо.

– То есть охотники плавают наверху, но ты в резюме добавил строчку про глубину, чтобы им понравиться… – Хелен покивала. – Даже не пытайся объяснить мне логику, примем за аксиому, что ты единственный дурак на все Кергеленское плато.

Илья смутился. Строчка в резюме была красивым поводом потратить деньги на инструктора и аренду снаряжения, а если говорить честно – ему просто нравились погружения.

– А почему они не могут взять другого чистильщика? – поинтересовалась Вики. – Такая большая разница между одним километром и четырьмя?

Илья вздохнул. С точки зрения физики и здравого смысла разницы не было никакой – антиграв работает и там, и там. И все же она была, только объяснить ее обычным людям, да еще так, чтобы тебя не упекли в психбольницу, было невозможно. Илья для себя называл это «глубина зовет», не зная, как сформулировать точнее.

Приятели из дайверской тусовки иногда подбрасывали заказы на «выгул» любителей острых ощущений, и главной задачей гида было не развлекать туриста, а отследить начало «глубинки» или, как еще иногда называли это состояние, «глубинной белочки». Возможно, до Катастрофы этот феномен и изучали, но Илья никаких внятных научных заключений на эту тему не нашел. Зато любительских версий было много: от мифического «Ктулху резвится», до более правдоподобных, например, что на серьезной глубине электромагнитное поле антиграва начинает активнее воздействовать на мозг, вызывая галлюцинации и панические атаки. Научиться справляться с этим состоянием было можно, но требовалось время и тренировки.

Впрочем, «сухопутные», кто не отплывал далеко от Города, гуляя рядом со стенами, считали эти рассказы дайверскими сказками для новичков, упирая на то, что на борту субмарин ничего такого нет, да и в Городе массового помешательства не наблюдается. И не верили вплоть до первого приступа «глубинки», а дальше все зависело от опыта, а иногда и от физической силы гида. Илья считал, что дайверы сами виноваты – не надо рассказывать, что глубина таким образом испытывает и отсеивает слабаков.

Он сам, когда в первый раз собирался, тоже считал это байками. Ну с чего ему, взрослому мужику, уже год работаюшему за стенами Города, из-за лишних ста метров вдруг начать себя вести по-другому? Оказалось, есть из-за чего.

– Чертовщина там, на мозг давит. Я полгода учился нормально спускаться и концентрироваться. Так просто взять и вниз пойти – это билет в один конец.

– Научился на свою голову… – Хелен взяла бутылку и задумчиво набулькала водорослевого коньяка в стакан. – У тебя все документы в порядке? Завещание не менял?

– Хел! – возмутилась Вики. – С ума сошла?

– Я пятьдесят лет Хел! – отрезала Хелен. – И последние двадцать я слишком хорошо знаю, кто такие падальщики.

Илья переглянулся с Вики и перевел взгляд на одинокий рыбий хвост в тарелке. Ян быстро сделал вид, что его вообще тут нет. Про свой второй брак Хелен рассказывать не любила, Илья знал только, что она бросила очень перспективного инженера и ушла к бравому безопаснику, влюбившись в того по самые уши. Через четыре года сбежала в Нижний Город,

умудрившись при этом сохранить со вторым мужем нормальные отношения – он даже помог ей выкупить часть «Йоко». Впрочем, это было единственное, что она про него говорила хорошего – среди прочих исключительно нецензурных характеристик.

– Все в порядке у меня с завещанием, – успокоил Илья. – Вам с Вики все разгребать.

Профессия чистильщика была не самой безопасной, и документы Илья оформил, едва устроился на работу. Все его имущество в виде старого чайника, барахлящей стиральной машинки и очень тощего счета в банке в случае его смерти переходило к Женьке. А сама Женька, точнее опекунство над ней, доставалось хозяйкам «Йоко».

Вики кивнула Яну, и тот понятливо бросился к бару: принести еще стаканы.

– Кстати, странно, что девица одна идет, они обычно в паре работают, – задумчиво протянула Хелен. – Темнит что-то полковник.

– Думаешь, она его любовница и он решил так от нее избавиться? – усмехнулся Илья. – Не слишком ли сложно?

– Она может быть его любовницей, другом, да кем угодно, но она тоже пешка. Они не щадят своих так же, как и чужих. Я не удивлюсь, если вы оба не должны вернуться. У них другая психология, не делай из них людей.

Илья отобрал у вернувшегося Яна стакан и решительно плеснул в него из бутылки. Слушать на трезвую голову, как его будут убивать, Илье однозначно не хотелось.

– А кстати, что вы будете доставать? – мимоходом поинтересовался Ян. – Я так и не понял.

– Не смей! – рявкнули одновременно Вики и Хелен. Вики даже для убедительности ткнула Яна в грудь пальцем. – Не вздумай никуда лезть!

– Ну и пожалуйста, – надулся Ян. – Я и не собирался. Подумаешь, не больно-то и хотелось.

– Можешь про этого полковника информацию поискать, – смилостивилась Хелен. – В открытых источниках. Я тоже попытаюсь разузнать.

Напиток обжег горло и раскатился внутри приятной теплой волной. Илья налил себе ещё немного и покачал стакан, наблюдая, как тягучая жидкость медленно сползает по стенкам тяжелыми слезами.

Хелен продолжала говорить, выдавая короткие, словно рубленые рекомендации: за чем именно следить, на что обращать внимание, что ни в коем случае нельзя им говорить… Илья и Вики пили уже не чокаясь, явно решив помянуть невезучего чистильщика заранее.

– А может, с этой девицей подружиться? – жалостливо предложила Вики, подперев щеку рукой. – Договориться как-нибудь?

– Как я с ней подружусь? – опешил Илья, даже стакан в сторону отставил. – Я ей даже не нравлюсь! Совсем!

– Серьезно? – ужаснулась Вики. – Какой кошмар.

– Точно Ктулху где-то проснулся, – согласилась Хелен. – Это просто возмутительно! Чтоб ты да не понравился! А ты ей улыбаться пробовал?

– Глумитесь? – неприятным голосом осведомился Илья. – Издеваетесь над бедным мной?

– Нет, – покачала головой Вики. – Пытаемся тебя поддержать.

– Тем более что остальным ты еще нравишься, – согласилась Хелен. – Вон Лолка весь вечер с тебя глаз не сводит, а ты девушку игнорируешь.

Илья оглянулся, пытаясь сообразить, о ком идёт речь. Невысокая пухленькая девушка поймала его взгляд, тут же улыбнулась и недвусмысленно кивнула на лестницу, явно предлагая составить ей компанию в более романтичном и уединенном месте на втором этаже.

– Новенькая? – удивился Илья, продолжая разглядывать девушку.

Симпатичная, с ямочками на щеках, большими голубыми глазами и розовыми пухлыми губами, она напоминала воздушное пирожное в кружевной салфетке. Светлые волосы были

забраны в высокий хвост, который украшал пышный ярко-алый бант. А грудь, норовящая выскочить из тесного корсета, была очень даже ничего…

– Иди, отвлекись, все равно ничего пока не надумаем.

Илья удивленно хмыкнул: девушки, работающие в «Йоко», были друзьями, а с друзьями, как известно, не спят. А уж на клиента столь респектабельного заведения он точно не тянул… Хотя это даже к лучшему, за год работы в «Йоко» он наслушался, какими презрительными эпитетами награждают девочки особо неприятных клиентов. Да если бы эти мелкопоместные «хозяева жизни», небрежно кидающие девочкам десяток кредитов чаевых на счет, слышали – вышли бы в ближайший шлюз, и без акваланга. Сам он никакой особой мужской солидарности и сочувствия к клиентам не испытывал. Слишком часто ему приходилось усмирять всяких идиотов, считавших, что деньги решают все, и объяснять, что, раз девочка сказала «нет» – значит, нет. Какая буква из трёх тут непонятна?

– Иди, иди, а то она скоро в тебе взглядом дырку прожжет, – насмешливо посоветовала Хелен. – И мне будет спокойнее, если ты тут останешься и ни во что не влипнешь по дороге. – И, повернувшись, закричала: – Лолка, забирай мальчика, и чтоб до утра он занят был!

– Да мне бы домой, – вяло запротестовал Илья. – Женька там…

– А вот к Женьке тебе точно сейчас не надо, – вмешалась явно согласная с подругой Вики. – К вам Ян сбегает и убедится, что все нормально. За Женькой присмотрит, а завтра с утра ее сюда приведет.

– Ну и ладно, – сдался Илья. – Была охота спорить…

Встал и, прихватив со стола полупустую бутылку, недовольно покосился на Яна. Тот смотрел на веселящуюся девушку такими тоскливыми глазами, словно та была пирожным, а сам Ян уже месяц сидел на хлебе и воде. Илья мысленно скривился: чего тупить, работают же вместе, если нравится – пригласил бы куда-нибудь сходить. Тормоз океанский. И вообще, если чем-то недоволен, пусть словами скажет. Поудобнее ухватил бутылку, сцапал со стола еще два стакана и шагнул навстречу кокетливо улыбнувшейся девушке.

***

Домой Илья вернулся под утро. Хелен, провожая его, только покачала головой: выяснить ничего не удалось. Никаких официальных операций за стенами города не проводилось, ведомством полковника тем более, и дело вырисовывалось совсем мутное. Зато удалось немного узнать про лейтенанта Эндерсен. Двадцать четыре года, пять с половиной лет в спецназе СБ, дослужилась до сержанта, потом была направлена на годовые курсы младшего офицерского состава. Приписана к штурмовому отряду при аналитическом отделе. Но самое главное: она модификант, и меряться силой с ней не рекомендуется. Опасно для здоровья.

Спать хотелось безумно. Лола приказ занять его до утра восприняла буквально, и поспать не удалось от слова «совсем». Илья был в целом не против, но его волновал один вопрос: зачем, допив бутылку «Барракуды», они взяли из бара еще бутылку приторного до тошноты ликера? Да еще выпили ее! И как теперь быстро протрезветь?

Илья, стараясь не разбудить занявшего его кровать Яна, осторожно выцепил из комнаты рюкзак и подошел к Женькиной спальне. В узкую щель между неплотно прикрытой дверью и стеной виднелся кусок кровати и Женька, спящая, уткнувшись лицом в плюшевого медведя. Игрушку Илья купил на первые заработанные деньги, почему-то уверенный, что маленьким детям обязательно нужен медведь. Его собственный куда-то потерялся при переезде, а у Женьки никогда и не было.

Илья осторожно прикрыл дверь и шагнул к выходу. Хелен ошибается, он вернется. Сделает свою работу и вернется. Помирится с Женькой и все будет как прежде.

Уже на улице Илья вспомнил, что собирался побриться, задумчиво поскреб колючую щеку и махнул рукой: так сойдет.

В мягко покачивающемся лифте стало окончательно ясно, что пить надо меньше. Надвигающееся похмелье наступало на пятки не желающему сдаваться опьянению, и Илья сосредоточился на том, чтобы стоять относительно ровно и не слишком сильно шататься. Желание куда-нибудь упасть на пару часиков стало нестерпимым.

Лейтенант Эндерсен уже ждала его в ангаре, неприятно свежая и довольная жизнью. Впрочем, довольна жизнью она было ровно до того, как поняла, в каком состоянии явился вольнонаемный Астахов.

– Только не ори, – поморщился Илья. – Без тебя сдохну.

– Ты! – выдохнула Рокси. – На борт! Живо!

С доктриной, утверждающей, что после смерти человеку воздастся за его грехи, Илья был знаком, но сейчас заподозрил, что она в корне ошибочна. Его лично возмездие настигло еще при жизни. Вон стоит, гневно сверкая глазами и воплощая собой то ли средневековую плаху с топором, то ли палача рядом с этой плахой. А скорее и то, и другое вместе.

Кроватей оказалось две. Илья молча бросил рюкзак на верхнюю и, решив, что сразу завалиться спать будет невежливо, двинулся, слегка покачиваясь, в сторону камбуза.

Голодом их явно морить не собирались. Илья уставился в шкаф, пытаясь сосредоточиться и сообразить, где среди разноцветных коробок с крупами спряталось кофе. А затем принялся методично эти коробки двигать, стараясь сфокусироваться на крупных буквах. Хлопья… макароны… опять хлопья… бобы… На третьем круге Илья заподозрил, что Рокси не в курсе, что людям необходимо для нормальной жизнедеятельности. Лично он сам без кофеина функционирует просто отвратительно. Можно сказать, и не функционирует вовсе.

Кофе нашелся, когда Илья уже был морально готов потребовать отменить экспедицию в связи с негуманным отношением к нему лично. Сахар тоже был. Проверять, взяла ли Рокси мороженое, не стал – сил на еще одни археологические раскопки не было.

Илья залил коричневый шарик кипятком, бросил три кубика сахара, подумал и добавил четвертый – кофе сахаром не испортишь.

Основной пульт управления был перед капитанским креслом, где, обвесившись информационными окнами, уже сидела Рокси. Илья занял соседнее кресло и покосился на развернутый рядом с ним экран с картой.

– Так куда мы идем?

Рокси недовольно зыркнула на него, и Илья демонстративно отхлебнул кофе, едва удержавшись, чтоб насмешливо не отсалютовать кружкой.

– Провал Гелероу.

Илья недоверчиво посмотрел на Рокси и серьезно – на карту. А затем ткнул пальцем, пробив экран насквозь, и констатировал:

– Везет, как утопленнику.

Провал Гелероу был нанесен на карты совсем недавно, каких-то сто лет назад. Достаточно широкий сверху, он резко сужался к низу, и на глубине шести тысяч метров схлопывался окончательно. Обнаруженную впадину (а скорее – трещину) изучили и, не найдя там ничего интересного, просто отметили на карте темно-синей запятой, в которую Илья сейчас тыкал пальцем.

Место было на редкость гадкое: из-за непосредственной близости к вулкану Биг-Бен трещина считалась нестабильной. Вулкан был действующий, хотя Катастрофу он как раз проспал – видимо, решил быть не как все. Зато раз в десять лет радовал жителей Города незначительными толчками. Хорошо еще Город располагался на противоположном конце плато и стоял на антиграв-подложке, способной скомпенсировать землетрясение куда большей силы. Но трещина была рядом с вулканом и скорее всего следствием его деятельности, а Катастрофа научила людей относиться с истеричной настороженностью ко всему, что скрывает за своими каменными стенами мешок с магмой.

Спускаться туда придется на байке – рабочая глубина «Пираньи» всего две с половиной тысячи метров. В прошлом веке корпуса лодок делали из суперкрепких титановых сплавов, способных с антигравом и на пятнадцать тысяч спуститься, но построить маленькую плавильную печь в условиях гидрополиса невозможно. Рудников на дне океана тоже не было.

Современные пластиковые корпуса были куда более хлипкими, а антигравы – слабее. Устройство, не позволяющее толще воды раздавить хрупкую посудину, создавало обратный вектор гравитации, обеспечивая тем самым экранирование от гравитационного поля и удваивая давление на границе защитной сферы. Означало это, что на глубине трех тысяч метров создавалась тонкая прослойка из шестисот атмосфер вместо положенных трехсот, и чем больше были размеры лодки и окружающей ее сферы, тем выше риск, что антиграв не справится. Особенно на ходу, когда необходимо постоянно моделировать сферу, подстраиваясь под глубинные течения и рельеф дна. Грузовые субмарины вообще ниже полутора тысяч не ходили. Водолаз был гораздо меньше размером, и поддерживать его защиту было проще, а главное – существенно дешевле. Одно дело гидрокостюм плотной чешуей облепить, и совсем другое – корпус лодки.

Илья еще раз посмотрел на темную запятую, обозначившую на карте впадину. Попасть в нее – как с разбегу вставить нитку в иголье ушко. Почему-то вспомнился забавный факт: в начале космической экспансии лунная посадочная ступень «Апполона-13» выбрала для своего приземления желоб Тонга и застряла на глубине шести тысяч метров, прихватив с собой плутониевый энергоисточник. Захочешь специально – не попадешь! Интересно, он там так и валяется? Любопытно было бы посмотреть на кусок древнего космолета. Вот чего стоило этому неизвестному кораблю, из-за которого весь сыр-бор, затонуть с другой стороны от Австралии? А еще лучше в Марианской впадине – широко и безопасно, говорят, до Катастрофы только ленивый не побывал там на экскурсии, чтобы полюбоваться в иллюминаторы на плоских лупоглазых рыб.

– Искин, – приказала Рокси. – Связь с первым.

– Так точно, лейтенант.

Голос управляющего субмариной компьютера был хриплым, слово его хозяина слишком долго таскали по холодным океанам и тот немного простудился.

Негромко пискнул модуль связи, и Илья перевел взгляд на пульт управления. Небольшая, с ладонь, сфера приподнялась над полукруглым углублением и зависла на магнитной подушке.

– Второй на связи.

– Слышу тебя, лейтенант, – отозвалась сфера голосом полковника. – Астахов на борту?

– Явился… – процедила Рокси. – Пьяный!

– Ничего не пьяный, – попытался вмешаться Илья. – Немного выпил просто.

– Ничего, – успокоил полковник. – До точки протрезвеет.

– А ничего, что я тут сижу! – возмутился Илья.

– Борис Евгеньевич, я считаю… – проигнорировала его Рокси.

– Отставить, лейтенант, – оборвал полковник. – Выполнять задание.

– Так точно, господин полковник!

Парящий в воздухе мячик голосового модуля раздражающе мигал синим в такт звучащим голосам, и Илья прикрыл глаза.

– Вы готовы выходить, лейтенант?

– Так точно.

– Господин Астахов, у вас есть вопросы?

Илья покачал головой и, вспомнив, что его не видят, добавил:

– Нет.

Рокси переключилась на связь с дежурными по ангару, и Илья расслабился, прикидывая, можно уже уйти, или еще стоит посидеть? Лодку несильно качнуло, и стало понятно, что их медленно двигают к шлюзовому отсеку.

– А ты этой штукой управлять-то умеешь? – запоздало спохватился Илья.

Рокси наградила его презрительным взглядом, но до ответа снизошла.

– Умею, не волнуйся. Я уже была на точке.

– Ты была у объекта? – поразился Илья, не зная, то ли радоваться, что версия с Отелло, решившим так экстравагантно избавиться от своей Дездемоны, не нашла подтверждения, то ли расстраиваться по поводу сдохшей самооценки. – Пойду, впаду в ничтожество…

– Я была над объектом, – поправила Рокси. – К кораблю спускался дрон.

– Уф… – выдохнул Илья.

Субмарину ощутимо тряхнуло, за бортом зашумело. Шлюзовой отсек заполнялся водой.

Илья некоторое время наблюдал, как перед гигантским, в треть рубки, иллюминатором качается темная вода, а потом отвернулся, пытаясь справиться с тошнотой: ликер сдаваться не желал, старательно выталкивая содержимое желудка наружу, а бьющие в бронированный пластик волны добавляли миру неустойчивости.

– Шел бы ты уже спать, Астахов! – то ли посоветовала, то ли приказала Рокси, и Илья решил, что это хорошая идея.

***

Илья проспал до вечера. Проспал бы и до утра, но его разбудили совершенно варварским способом.

– У тебя в роду святых инквизиторов не было? – простонал Илья, водружая на лицо подушку и спасаясь тем самым от яркого света, резко залившего всю каюту. – Только не говори, что мы уже дошли, я все равно сегодня спускаться не буду.

– Хотела убедиться, что ты жив.

– Убедилась? Расстроилась? А теперь выключи свет, пожалуйста.

– Если ты хочешь ужин, то советую подняться и его приготовить! – отрезала Рокси. – Пока я выбираю место, где нам встать.

Не признать ее правоту Илья не мог – если один целый день управлял лодкой, то второй идет готовить. Но предпочел бы приступить к обязанностям кока с утра. Рокси жалобное мычание не оценила, просто развернулась и ушла.

До душа в техотсеке Илья дополз, стараясь лишний раз головой не трясти. Мозг явно усох за последнюю ночь и свободно бултыхался в черепной коробке, периодический стукаясь об ее стенки, по крайней мере, ощущение было именно таким. Зеркало транслировало что-то небритое, помятое и с красными глазами. На щеке виднелись следы от подушки, и Илья философски решил, что на свидание здесь идти все равно не с кем, но в душ слазить смысл имеет. Чисто в терапевтических целях. А потом уже отрабатывать повинность на камбузе.

Ревизия морозилки показала, что мороженое ему купили. Илья удовлетворенно хмыкнул и засунул брикет назад, достав вместо него рыбу.

Рокси появилась минут через пятнадцать, когда аккуратные куски рыбного филе равномерно покрылись румяной корочкой. Илья выставил на стол тарелки и разложил приборы.

– Надо же, – наигранно удивилась Рокси. – Ты умеешь пользоваться ножом и вилкой?

– Ну что ты, – парировал Илья. – Обычно внизу едят на полу и прямо руками, но я решил тебя не шокировать. Кстати, я могу узнать, за что ты меня так не любишь? А то у меня ощущение, что я бросил тебя с пятью детьми и алиментов не плачу. Мы раньше не встречались?

– А за что мне тебя любить? – изумилась Рокси. – Если ты не заметил, то с утра ты был пьян!

– Не особо и пьян… У меня был стресс ,и мне надо было его снять!

– А…. – глубокомысленно протянула Рокси. – Хорошо ты стресс снимал… Ты шею свою видел?

Шею свою Илья в зеркале успел оценить – Лола резвилась, а он не видел повода мешать девушке получать удовольствие. Но смутиться по этому поводу не получалось. Во-первых, это его личное дело, с кем он был ночью, и СБ точно не касается, а во-вторых…

– Завидовать дурно!

Илья самодовольно ухмыльнулся, сел за стол и пододвинул к себе тарелку.

– Было бы чему… Могу ей только посочувствовать.

– Ты не ответила на вопрос. Вчера я был трезвый, а рычала ты так же.

Рокси пожала плечами и отправила в рот кусок рыбы.

– Просто не люблю гражданских. Вам нельзя доверять. Не понимаете, что значит надо, не умеете выполнять приказы. Можете начать паниковать или просто тупить в самый неподходящий момент. С вами невозможно работать.

– А еще мы строем не ходим… – ошарашенно согласился Илья. – Нормальная такая экстраполяция… То есть ко мне лично претензий нет?

Рокси окинула его оценивающим взглядом и слегка склонила голову.

– Не люблю смазливых мужиков.

– Интересуешься страшненькими девочками? – ляпнул, окончательно пришибленный абсурдностью обвинений, Илья, и тут же сообразил, что зря это сказал, заметив, как опасно потемнели у Рокси глаза. – Ладно, проехали. Не надо на меня так смотреть, ты мне сейчас голову откусишь, а мне еще вниз спускаться. Я хотел спросить – может, объяснишь, что за груз? Мне надо понимать, как поднимать. Одно дело мелкая россыпь и другое – ящики большие.

Оказалось, что достать надо приличных размеров ящик. Рокси точные размеры назвать затруднилась, предположив, что он примерно метр на метр. Помимо этого, надо было обшарить каюты и поискать инфо-кристаллы.

– Что? – восхитился Илья. – Да они размером с ноготь! Ты хоть представляешь, что там сейчас в каютах творится? Это нереально!

– Поэтому я и не люблю гражданских! Я сама найду, можешь не трепыхаться.

– Ага, – чуть не подавился рыбой Илья. – Ну, ищи, ищи.

***

Утром Илья проснулся сам, не дожидаясь очередной негуманной побудки. На субмарине было тихо, хотя лейтенанта в каюте уже не было. Илья быстро умылся и, позевывая, пошел в рубку, надеясь спокойно посмотреть карты и найти схему впадины, если, конечно, лейтенант догадалась взять ее с собой.

Но выполнить задуманное не удалось, рубка была занята. Илья остановился в дверях, созерцая открывшуюся взору картину. Рокси отжималась. Водрузив ноги на кресло, она опускалась вниз, на секунду замирала, касаясь грудью пола, и поднималась, резко оттолкнувшись и почти взлетев вверх. И так же на мгновение зависала, сильно прогнувшись в пояснице и оторвав руки от пола.

– Чего тебе? – поинтересовалась Рокси, не прекращая упражнений.

– Надо же… а я думал вам только сервоприводы смазывать требуется.

– Очень смешно! Единственную извилину пришлось напрячь, чтоб придумать?

– Половину извилины. Хотел узнать, что капитан желает на завтрак?

После завтрака Илья получил нужные карты и, поставив рядом с собой кружку с кофе, принялся их изучать. Карты были старыми, без 3D-проекции, но даже на них было видно, насколько кривым каскадом уходят вниз стены. Словно кто-то вставил в узкую щель клин и долго долбил по нему молотом, отламывая куски стен и не особо заботясь об эстетке своего творения. Даже если отвлечься от вулкана за стенами провала, надо быть осторожнее – острые выступы торчали вдоль стен, как зубы касатки. Воображение тут же подсунуло картинку, как

байк цепляет острый клык, оставляя на нем половину запчастей, а спасительная лодка наверху, и до нее еще попробуй доберись. Нет, надо идти одному. Зачем ему этот балласт с погонами?

– Рокси, мы когда в расчетное место выходим?

– Пятнадцать ходовых часов.

Илья еще раз посмотрел на карту и ткнул пальцем рядом с островом.

– Предлагаю здесь встать на пару часов и проверить снаряжение. Глубина подходящая, всего пятьсот метров.

Рокси вместо того, чтобы посмотреть на карту, уставилась на стоящую рядом с Ильей кружку и поморщилась.

– Как ты пьешь эту гадость?

Илья тоже посмотрел на кружку. Кофе как кофе, холодный, с густой молочной пенкой – мороженного он не пожалел, положив две большие ложки.

– Приторное же, – пояснила Рокси и потянулось к своей кружке. – Гадость.

За завтраком Илья благородно предложил мороженое, но Рокси отказалась, и, как он успел заметить, сахар тоже проигнорировала, зато бросила в кружку аж два шарика спрессованных водорослей, удвоив крепость напитка. Вот это точно гадость, а у него нормальный кофе!

– Так что, можем остановиться? – не дал сменить тему Илья. – Лучше я здесь все настрою, чем там буду возиться. Чем глубже, тем сложнее работать.

– Можем остановиться, – согласилась Рокси, отворачиваясь к пульту управления.

Весь день Илья старался из каюты лишний раз не выходить. Рокси явно не горела желанием с ним общаться, а самого Илью общество книги и чашки с кофе устраивало полностью. На третий день валяться надоело, и Илья перебрался на камбуз. Там морозилка с мороженым под рукой.

– Что читаешь? – Рокси подошла к чайнику и щелкнула кнопкой на ручке.

Илья молча развернул экран, показывая обложку.

– Краткая история военных сражений? – прочитала вслух Рокси и удивленно приподняла брови. – Не слишком ли сложно для чистильщика?

– Буковки знакомые ищу, – любезно пояснил Илья. – Ну и картинки смотрю.

– Что-то я не помню там веселых картинок.

– Только не говори, что ты читала Монтгомери … – Илья дождался небрежного кивка и удивленно присвистнул. – Ух ты, вас и читать учат? А я думал, только головы отрывать.

– Головы нас учат отрывать в первую очередь… Так что не нарывайся, крабик.

– Как можно, мэм! Разрешите обратиться, мэм! Может, мы уже остановимся, а?

– А тебя что, укачало? – участливо поинтересовалась Рокси.

– Нет, просто мы собирались оборудование тестить, – серьезно напомнил Илья. – И лучше мы это сделаем здесь.

Лучше бы это было сделать рядом с Городом, но сначала Илья был слишком зол, а потом несколько не в форме, чтобы выходить на глубину. В исправности оборудования Илья почти не сомневался, скорее перестраховывался, а вот посмотреть на напарницу в условиях, приближенных к боевым, было нелишним. Заодно может появиться повод оставить ее на борту. Или признать, что напарник ему достался терпимый – чем черт не шутит, может быть, эти загадочные модификанты и правда могут больше, чем люди.

Рокси, услышав, что она тоже идет, спорить не стала, хотя Илья уже настроился убеждать и доказывать. Только спросила, как Илья желает парковаться: на дно лечь, или так зависнуть? Илья выбрал первое – они обогнули главный остров плато, и дно было на глубине каких-то смешных четырехсот метров.

Илья закрепил клипсу наушника и надел маску – та едва заметно шевельнулась, меняя форму и подстраиваясь. Большую часть маски занимала прозрачная часть, дополнительно слу-

жащая информационным экраном; сверху крепилось три фонаря – два по бокам и один, плоский, сверху; носогубный треугольник закрывала дыхательная система с искусственными жабрами, к которым прикручивались мембранные модули. Принцип работы последних был очень простой: микропоры в мембране были по размеру меньше молекулы воды, но больше молекулы кислорода. Единственное неудобство заключалось в том, что микропористый фильтр за час забивался и восстановить его можно было только на специальном оборудовании.

Подождав, когда маска плотно прижмется к голове, Илья натянул перчатки и повернулся. Рокси одевалась рядом и пока делала все правильно, не давая повода возмутиться. Спокойно пристегнула гермо-сумку к ремню и взяла с полки пару ножен. Илья промолчал: оружие дело личное, каждый экипируется, как ему удобнее. Сам он предпочитал арбалет, а нож носил скорее для подстраховки.

Шлюзовая камера закрывалась вручную, а потом блокировалась умной автоматикой. Илья пропустил вперед Рокси и потянул за ручку круглую дверь. Тяжелый бронированный люк встал на место почти бесшумно, отрезая их от основной части.

Пока отсек неспешно заполнялся водой, Илья успел проверить аквабайки и недовольно скривился: один из закрепленных в держателе арбалетов не поменяли, оставили игрушечный. Но возвращаться в каюту и забирать свой было уже поздно.

За бортом их встретил привычный холод и тихий шепот. Океан никогда не молчал: слабо стонал, негромко скрипел и заунывно гудел, наполняя эфир помехами. Со временем весь этот звуковой хаос сливался в белый шум, не мешая работать. Это только поначалу дергаешься, пытаешься понять, кто там посвистывает, как кипящий чайник, а потом запоминаешь: угроза никогда не топает, ее надо чувствовать, а не слышать.

Полная темнота наступала на глубине в полкилометра, но, несмотря на то, что на экране маски светилась цифра «392», Илья с трудом различал дно под ногами. Все вокруг было одного цвета, лишь менялись оттенки серого, а если посмотреть верх, то к холодной бесцветности добавлялся темно-синий. Илья немного постоял, давая себе привыкнуть, и только потом включил встроенные в маску фонари. Тьма тут же расступилась, и стало видно неровное дно, покрытое толстым слоем ила.

– Слышишь меня?

– Да, нормально, – отозвался наушник голосом Рокси, а сама она остановилась чуть дальше, придерживая свой аквабайк за ручку. – Какой план?

– Давай сначала просто круг.

Илья встегнул ботинки в крепления и, повернув ручку газа, активировал байк. Вода привычно ударила в защитный экран, стараясь остановить, и Илья пригнулся чуть ниже, крутанув ручку еще сильнее и направляя байк вперед. Рокси двигалась вполне уверенно, не отставая и не теряя скорость. Илья самокритично признал, что сам он после десяти часов обучения был занят только тем, чтобы удержать байк ровно и не свалиться с него. Но это ничего не значит, четыреста метров – не четыре тысячи.

– Не догоняй, – приказал Илья, увеличивая скорость. – Жди.

Напор воды тут же усилился, и Илья, выждав, пока байк разгонится, резко развернул ступни – магнитные крепления тихо щелкнули, освобождая ноги. Затем бросил тело вверх, вытягиваясь параллельно сиденью, и выхватил арбалет, удерживая машину одной рукой. Получилось. Двигаться на байке можно было даже сидя на корточках – главное было правильно расположить центр тяжести, не потерять управление и не слететь. А когда байк мчится на приличной скорости, врезаясь в моментально ставшую очень плотной воду, сделать это совсем не просто.

Байк слушался, привычно подрагивая, и с тихим шелестом рассекая монолитную темноту. Соревнование по аквафристайлу проводились в Городе раз в полгода, и Илья даже принял пару раз участие, но ничего не выиграл и плюнул. Акробатические трюки ради трюков

его не интересовали, зато умение стрелять на ходу не раз их с Женькой выручало, позволяя продержаться до зарплаты на свежей рыбе. Если удавалось выпросить у начальства байк на выходные.

– Позер, – насмешливо фыркнул наушник, и Илья, заложив большой круг, притормозил у Рокси.

– Там белый курильщик неподалеку, пошли посмотрим?

– Охота тебе модули тратить…

– Интересно же, – удивился Илья. – Ты хоть раз его вживую видела? Пошли, мы быстро.

Гидротермальный источник был совсем маленький, сантиметров сорок высотой. После Катастрофы на Кергеленском плато образовался сразу десяток «курильщиков», те были черными и располагались в самых глубоких точках. Белый был куда холоднее и безопаснее, но подходить близко к нему все равно не стоило: разогретая до ста пятидесяти градусов и насыщенная сероводородом вода вырывалась из жерла под таким давлением, что сталкиваться с клубящимся белым столбом было совершенно не полезно для организма. Зато вокруг источника кипела жизнь.

У деда была служебная субмарина, и он часто брал внука просто погулять. Посмотреть пузырящиеся курильщики, подняться ближе к поверхности, где рыб было больше, или, наоборот, спуститься ниже, туда, где в темноте можно было встретить прозрачного кальмара или расползающуюся рыбу-каплю. Именно тогда Илья, наверное, и влюбился в океан: холодный, угрюмый и восхитительно таинственный. И нежно хранил в воспоминаниях свой детский восторг, даже сейчас чувствуя его отголоски.

Илья лихо пронесся над колонией помпейских червей, и бело-бордовые трубки недовольно заколыхались, а белоснежная паста, густо устилавшая стены курильщика, взметнулась вверх, на мгновение завесив все мутной пеленой: питающимся сернистым водородом бактериям Илья тоже не понравился. Видимо, сероводород был вкуснее.

– Смотри. – Илья выкопал из ила завернутую в спираль ракушку и протянул Рокси. – С острова течением принесло, у Города таких уже не найти, все собрали. – Подумал и добавил: – Бери, это тебе.

Рокси недоуменно покрутила в руках подарок, но в прицепленную к поясу сумку все-таки убрала.

– Может, уже вернемся? Ты проверил снаряжение?

– Зануда… Ух ты, какая…

Илья оттолкнулся ногой от камня, направляя байк вперед, а затем свесился вбок, подхватывая рукой темно-фиолетовую, утыканную жесткими шипами звезду. Та такое панибратство не одобрила и принялась закручивать лучики, планируя сбежать с руки.

– Тут, наверное, и ежи есть… А ты знаешь, что некоторые звезды умеют отбрасывать свои лучи и отращивать заново?

– А ты знаешь, что у нас график? – недовольно отозвалась Рокси. – Может, на обратном пути погуляем? Если модули останутся!

Илья с легким сожалением вернул звезду на место. Рокси в целом была права, тратить мембранные модули на баловство не стоило, но все равно обидно, не так уж много они и потратили, датчики на концах трубок все еще полную зарядку показывали.

Мелькнувшую сбоку тень Илья заметил, когда до открытого шлюза оставалось каких-то пять метров, не больше. Резко развернулся, останавливаясь, и закрутил головой, пытаясь сообразить, что он только что увидел.

Тень мелькнула слева гораздо ближе. Илья закрутил головой активнее, пытаясь поймать гостя в луч света. Поймал. На какую-то секунду, но этого хватило, чтоб судорожно выдохнуть и заорать:

– Замри!

Мелькнувшая в полосе света крупная клиновидная голова с большими глазами и тупым рылом сомнений в том, кто пожаловал в гости, не оставила. Тигровые акулы отличались способностью жрать все, что попадается по пути. Совсем все. Их зазубренные скошенные зубы могли легко дробить кости. Да что кости, их не всегда могла остановить даже средней толщины металлическая решетка. Дайвер мог считаться лакомством, а снаряжение – приправой. Когда-то давно эти хищные твари водились с другой стороны австралийского континента и питались незадачливыми серферами, но глобальное изменение климата выгнало их с насиженных мест. И сейчас акула, явно чувствуя себя как дома, уже облизывалась в предвкушении обеда и сервировала стол.

Илья успел мимолетно пожалеть, что выбрал для прогулки это место. На серьезной глубине хищников было куда меньше, а тут еще курильщик воду подогрел… Хотя акулы и на двух тысячах встречались.

До шлюза было совсем близко, один рывок, и все. Только вот Рокси отстала метров на сорок и совершенно точно не успеет, если акула решит атаковать. И арбалет у Рокси игрушечный… Илья плавно вытащил свое оружие из держателя и замер, стараясь не увидеть врага, а почувствовать его приближение. Арбалет привычно лег в руку, и Илья выровнял дыхание. Он справится. Раньше справлялся и сейчас справится. Главное, чтобы Рокси не начала паниковать… Вода вокруг стала еще плотнее, а тихий шум укутывал, как одеяло, лишь с легким шелестом вырывались из маски пузырьки воздуха. И где-то совсем рядом был хищник.

– Уходи! – рявкнул наушник. – Быстро!

Илья дернулся, оборачиваясь, и чуть не открыл рот от изумления. Байк лежал на дне, а Рокси стояла рядом, застыв в какой-то странной стойке: согнув колени, наклонив корпус вперед и раскинув в стороны руки. В каждой руке было по ножу. Лейтенант напоминала виденную на картине хищную птицу. Та так же сидела на краю скалы, расправив крылья, готовая сорваться вниз, как только мелькнет добыча, и было как-то понятно, что спастись от крылатого хищника невозможно. Только здесь вниз было прыгать некуда, да и Рокси беркутом не была.

Вода справа чуть заметно дрогнула, и Илья выстрелил. Не глядя, просто на едва улавливаемое движение. Два гарпуна, один за другим, сорвались с ложа, заставив арбалет дернуться. Секундой позже в луче света появилась акула – темно-серая, со светлым брюхом, увенчанная острым плавником торпеда неслась прямо на Рокси.

– Закройся!

Байк можно было использовать не только как средство передвижения, из него получался неплохой щит. Например, поднырнуть под скошенное дно или просто прижаться к темному боку. Команда была известна любому, даже начинающему дайверу, но Рокси, похоже, была глухой. Илья едва успел убрать палец со спускового крючка, чуть не выпустив еще пару стрел. Рокси, вместо того чтобы выполнить приказ и не мешать Илье, прыгнула навстречу рыбе.

В воде все движения медленные, словно смазанные, но Рокси была похожа на выпущенный снаряд. Илья успел заметить, как она взмахнула руками, и океан окрасился темно-зеленой мутью. Почему-то кровь на глубине всегда зеленая.

Арбалет задергался, как припадочный, и Илья поспешно отстрелил идущие к гарпунам тросики – удержать руками такую рыбину нереально. И только после этого зло резюмировал:

– Не сработаемся!

Судя по энергичному и очень короткому ответу, лейтенант в кои-то веки была с ним согласна.

Илья, не обращая внимания на злой окрик, направил байк в сторону от лодки. Потерянные гарпуны было жалко. И чего стрелял, спрашивается? Надо было действительно на лодку вернуться, пусть бы сама разбиралась.

Акула нашлась неподалеку – с распоротым брюхом долго не поплаваешь. Илья мрачно присвистнул: двухметровая рыбина была располосована почти от хвоста до головы. Спрыгнул

с байка и подплыл поближе. Два гарпуна тоже попали в цель, хотя и нанесли куда меньше повреждений, чем ножи.

В другое время акула была бы хорошей добычей, такие в городе ценились дорого, но Илья только вырезал стрелы, проверил наконечники (у одного отломился лепесток) и направился обратно к субмарине. В конце концов, это не его трофей, он смог лишь спугнуть рыбину, а убила ее Рокси. Впрочем, хранить такую тушу им тоже негде.

***

Илья снял обвязку, аккуратно положил маску на стеллаж и… врезался спиной в стену, едва удержавшись, чтоб не ударить в ответ. И даже не потому, что скорее всего не попал бы и сделал только хуже, сколько из-за намертво вбитого в голову еще с детства правила: женщин бить нельзя. Хотя Илья не был уверен, что это правило распространяется на валькирий, спокойно вспарывающих брюхо акулам и (что гораздо обиднее) прижимающих его к стене одной рукой.

– Ты рехнулась? – выдохнул Илья в оказавшееся неприлично близко лицо Рокси. – Совсем уже?

– Слушай сюда, – прошипела Рокси. – Если я приказываю – ты выполняешь! За твою безопасность отвечаю я! И ты меня слушаешься, понял?

– Может, ты мне прямо тут шею свернешь, и на этом закончим? – зло огрызнулся Илья и резко дернулся, уходя в сторону.

Удерживать его Рокси не стала. Молча развернулась и вышла из отсека. Илья постоял, чувствуя, как покалывает затылок от повторно накатившей волны адреналина. То акула, то эта… психованная. Одного поля ягоды!

Душевая на субмарине была гимном минимализму: торчащая в потолке лейка, раковина и пластиковая штора в углу технического отсека. Илья включил воду и шагнул под душ, не снимая гидрокостюма. Постоял, смывая соль вместе со злостью, и только после этого разделся.

Об стену его ударили не сильно, скорее так… в воспитательных целях, и от этого было еще противнее. Как нашкодившего пацана за шкирку потаскали. Нет, идти вниз с Рокси было нельзя однозначно. Слушаться она не будет, на его, Ильи, опыт ей совершенно наплевать, а глубина таких самонадеянных не любит. Как ей на пальцах объяснить, что ее балет с ножами на четырех тысячах закончился бы совсем иначе? Что там вообще дергаться опасно! Что компенсатор может не успеть сработать и попадешь на границу собственной защитной сферы! И фарш на выходе! Лучше бы она на борту осталась, а ему и дрона для компании хватит.

Рокси появилась на камбузе, когда Илья уже успел перестать злиться. Из одежды на напарнице было пушистое полотенце, очень условно позволяющее соблюсти правила приличия. Илья проводил девушку взглядом, отметив про себя, что ноги у нее вполне себе… интересные. Почему-то пока они переодевались бок о бок, он этого не замечал. Может, все дело в полотенце? Хотя какая разница, ему никогда не нравились девицы, способные одной левой уложить его на лопатки. Девушка должна быть нежной и хрупкой – такой, чтобы рядом с ней было приятно чувствовать себя сильным, а тут… Барракуда, и то нежнее будет.

– Слюни подбери, – негромко посоветовала Рокси, наливая в чашку воду.

– М-м-м… – протянул Илья. – Не волнуйся, твоей чести ничего не угрожает, мне обычно девушки нравятся.

– А, ну да, конечно, – насмешливо согласилась Рокси, направляясь к выходу. У двери притормозила и добавила: – Только слюни все равно вытри, тебе ничего не светит, Астахов.

К нужной точке они вышли к вечеру.

***

Завтрак получился совершенно безвкусный. Илья раздраженно покрутил в руках бутерброд и пододвинул к себе тарелку с макаронами. Ему весь день работать на глубине и поесть надо было обязательно, а макароны не виноваты, что у него настроение паршивое. Мерзкое

чувство неправильности не отступало, но никаких новых идей за ночь в голову не пришло, и он понятия не имел, как уговорить Рокси остаться на борту.

– Чего у тебя такая морда похоронная? – весело поинтересовалась Рокси. – Ты вспомнил, что боишься плавать?

Расплывшееся в кофе невнятной каплей мороженое настроение тоже не улучшило.

– Слушай, у нас же сегодня по плану осмотреться? Может, я один быстро смотаюсь, и все? А ты картинку с дрона получишь. – Илья помолчал и, постаравшись добавить голосу уверенности, продолжил: – Темно там, холодно… Чего тебе там делать? Опять же опасно, а ты все-таки девушка!

Рокси уставилась на Илью с таким изумлением, что ему захотелось срочно пощупать свой затылок – там рога не отросли?

– Это ты так пошутить сейчас неудачно пытался?

– Я серьезно. Ну, сама посуди…

– Ты же вчера не снаряжение проверял, правда? – перебила Рокси. – А меня. И какие ко мне претензии?

– Рокси, на глубине нельзя, как ты вчера. – Илья чуть не взмахнул рукой, имитируя удар ножом, но в последний момент сообразил, что в руке чашка, и если он опрокинет себе на голову кофе, то это вряд ли прибавит его словам убедительности. – Там надо двигаться медленно и осторожно, понимаешь?

– Меня инструктировали, – кивнула Рокси. – Я буду двигаться медленно и печально.

– Теорию все знают, но у тебя нет опыта!

– Илья, я модификант! Ты что, еще не понял?

– И что? Что-то я не заметил, что у тебя жабры прорезаются! Что у тебя модифицировано?

– Жабр нет, – подтвердила Рокси. – Тебе как, названия исправленных участков ДНК перечислять, или попроще? У меня боевая модификация.

Илья подтвердил, что ему можно в общих чертах, например, если руку оторвать, то новая вырастет? Как лучи у морской звезды. Или зрение рентгеновское имеется? И встроенный в голову сонар. Последнее было бы на глубине очень полезно.

Оказалось, что рука не вырастет, впрочем, как и нога, и выбитые зубы. Просто повышено содержание миозина, что существенно увеличивало создаваемое при сокращении мышц усилие. Скорректированы гены VMAT1 и SYT1, отвечающие за реакцию мышц на команды нервной системы. Уплотнены кости, искусственно ускорен метаболизм и завышен болевой порог. Зрение тоже скорректировано, но видеть сквозь стены Рокси не умела, просто чуть лучше обычного человека ориентировалась при скудном освещении.

Рокси рассказывала, словно лекцию читала, и чем дольше она говорила, тем сильнее мрачнел Илья. До этого момента он бы уверен, что лейтенантов СБ просто качественно готовят. Тем более спецназ. Понятно, что в честном бою ему не одолеть, не та подготовка, но бой не всегда бывает честным. Всегда есть шанс схитрить, отвлечь, обмануть, и тогда получится скрутить, справиться за счет того, что крупнее и тяжелее. Тем более что излишним благородством, особенно когда речь шла о выживании, Илья не страдал. Генетики решили этот вопрос кардинально, придушив надежду на победу в зародыше.

– Я просто быстрее и сильнее обычного человека. У меня лучше реакция. И меня много тренировали.

– Обычных людей не существует, все люди разные.

– Хорошо, я сильнее и быстрее тренированного человека, – терпеливо повторила Рокси. – Например, тебя. Илья, хватит спорить, твоя задача достать груз, моя – вернуть тебя живым.

– Надо же, какая трогательная забота о каком-то чистильщике!

– Со мной безопаснее идти.

Илья, пока водил на глубину новичков, насмотрелся разного. Видел, как люди пытаются маску с себя сорвать, метаться начинают, паниковать. Некоторые гидры расстегивают, антиграв отключить стараются, а потом даже не помнят, зачем они это делали. Все это Илья и высказал, ожидая, что Рокси в лучшем случае отмахнется, в худшем – начнет про истеричных и тупых гражданских рассказывать. Но Рокси внимательно выслушала и с едва уловимой жалостью в голосе сказала:

– Я все это знаю. Мы изучили вопрос, прежде чем идти. Именно поэтому тебя и позвали.

– А ты мне тогда там зачем?

– У меня не будет паники. Нас учили работать в любых условиях. Специально готовили, понимаешь?

– Тоже часов десять? – скривился Илья, не сильно понимая, как к этому вообще можно подготовить в Городе.

– Нет. Лет десять или больше. Обещаю, если я начну паниковать… – Рокси подержала короткую паузу, явно проглотив насмешливое «не дождешься», – мы вернемся. Что тебя еще не устраивает?

– Меня не устраивает, что ты не слушаешься! – бухнул Илья и зло принялся счищать остатки макарон с тарелки в утилизатор.

На этом терпение у Рокси закончилось, и она мерзким голосом напомнила, кто командует операцией, предложив связаться с полковником, чтобы тот еще раз подтвердил, если у Ильи проблемы со слухом, и он не понял, что ему раньше сказали. Проблем со слухом у Ильи не было, а с желанием подчиняться – были.

Работа чистильщика не предполагала кучи начальства под боком. С утра задание получил, ушел почти на целый день, с двумя небольшими перерывами. Только если бригадир поинтересуется, как дела, да и то скорее удаленно. Главное было выполнить работу, а стоять над душой и отдавать тупые приказы у них принято не было – глубина к такому не располагает. Правда, если чистильщика кто-то решит съесть, это тоже не было проблемой начальства: вакансии у них долго открытыми не висели, сменить надоевший конвейер на фабрике желающих было много. Илья давно привык сам отвечать за себя и свою безопасность. Ну и за напарника тоже.

Если бы безопасники с какого-то перепугу решили бы привлечь Илью к операции в городе, он был готов подчиниться лейтенанту Эндерсен. Уважать чужой опыт и признавать силу Илья умел. Но слушаться зеленого новичка на глубине было глупо, а в свете только что услышанного еще и опасно для жизни.

Это в фильмах ужасов гигантские крабы дрыхнут в глубоких провалах, поджидая зазевавшегося туриста, а в реальности на уровне абиссаля рыбы крупнее полуметра были редкостью. Так что случайно повстречаться с голодной акулой Илья не боялся, и охрана ему не требовалась, а вот модификант, специально сконструированный для ближнего боя, был реальной угрозой. Куда проще «выгуливать» туристов из Верхнего Города – в экстремальной ситуации им руки за спину вывернул, зафиксировал и оттранспортировал наверх неподвижной тушкой. С Рокси такой метод не сработает, Кракен раздери всех генетиков!

Илья поднял руки, признавая поражение. Спорить сейчас было бессмысленно, а идти вниз, предварительно потрепав себе нервы, – неумно.

В этот раз они экипировались куда серьезнее: спуститься на четыре с лишним тысячи – это не рыбок рядом с лодкой посмотреть. Оттуда нельзя быстро вернуться, а значит, все необходимое (и немного сверх необходимого) должно быть с собой.

С глухим щелчком застегнулись буксировщики, плотно обхватив руку от локтя до запястья. Илья повращал руками, проверяя, что те не соскользнут, и принялся методично отсчитывать запасные модули для жабр: внизу они проторчат часов восемь, значит, с собой надо

взять еще пятнадцать пар – правило «идешь на час, бери воздуха на два» было железным. А в довесок – маленький баллон с воздушной смесью, на случай неисправности основной системы.

Баллон закрепил на пояс, сдвинув его на спину, а герму с дыхательными модулями на аквабайк. Подумал и принес свой арбалет – лишним не будет, это на глубине хищников почти нет, а они «припарковались» на полутора тысячах, тут разные гости могут быть. Тем более что крепления на аквабайке под ружья были с обеих сторон, и на себя вешать второй арбалет не надо.

– Чего ждем? – недовольно поинтересовалась Рокси, глядя на притормозившего рядом со шлюзом Илью.

– Что ж ты так торопишься убиться, – пробормотал Илья. – Не понимаю я этого стремления…

Начинавшийся неподалеку провал был достаточно широким, и можно было спуститься на субмарине пониже, только набирать глубину лучше постепенно. Особенно Рокси. С остановками и отдыхом, давая мозгу привыкнуть к изменившейся обстановке. Илья, не обращая внимания на начинающую злиться напарницу, выждал еще пять минут и сел на байк. Крепления тут же плотно обхватили ноги, а передний экран приподнялся, подстраиваясь под рост человека.

– Спускаемся по спирали, меня не обгонять, держись так, чтоб я тебя видел.

Рокси лишь фыркнула в ответ, но резко газовать не стала, дисциплинированно пропустив Илью вперед. Хотя, возможно, просто решила, что так ей охранять его удобнее.

Сюда солнечный свет не проникал вовсе, и если отключить фонари, то невозможно будет разглядеть даже собственную руку. Узкий луч света прогрызал тоннель в черноте, оставляя за своими пределами все лишнее. Может, сбоку была скала, или шипел неподалеку курильщик, но увидеть это было нельзя. Не было рядом меняющегося пейзажа, только бесконечная повисшая в воде муть, вызывающая желание прищуриться и сфокусировать зрение. Если бы не прыгающие на экране маски цифры, можно было подумать, что они на месте стоят, настолько все вокруг было однообразным. Хоть бы рыбка какая проплыла…

Цифра на экране мигнула и сменила единичку на двойку. Илья посмотрел на Рокси: надо же, уже две тысячи, а она все держится. Действительно там какая-то супер-подготовка? Да чушь, нельзя к этому подготовить…

Словно в ответ на его мысли байк Рокси вильнул в сторону и тут же выровнялся.

– Стоять, – моментально среагировал Илья. – Отдыхаем.

– Я не устала.

– Зато я устал!

Рокси резко обернулась и замерла, вглядываясь в пустоту за спиной.

– Здесь никого нет, – негромко прокомментировал Илья. – Послушай, ты бы мне не поверила, это почувствовать надо. Давай ты вернешься, а я сам туда сбегаю.

– Ты отдохнул? – Рокси так же резко развернулась обратно. – Может, уже пойдем дальше?

– Рокси, через двести метров тебя накроет уже серьезно, и я с тобой не справлюсь. Ты же чувствуешь, как давит и страшно становится, дальше только хуже будет.

– Мне не страшно!

Илья чуть склонил голову, разглядывая застывшую напротив Рокси. Интересно, они там все без мозгов, или ему эксклюзив достался?

– Знаешь, лейтенант… пошли. Только я сразу предупреждаю, что я к тебе приближаться не буду. Так что дрону повтори свой приказ, чтобы ко мне потом претензий не было.

Рокси, быстро взглянув на зависший рядом с ними шарик, молча крутанула ручку газа. Илья, выругавшись, двинулся следом.

Плотная вода ударила в щиток, обтекая байк и человека, чуть впереди, по едва заметной ряби можно было угадать, где заканчивается сфера антиграва, и Илья сосредоточился на

скользящей перед ним фигурке. Слишком быстро скользящей. Цифры на экране мелькали все быстрее, и через триста метров Илья не выдержал.

– Медленнее! Медленнее, Кракен тебя побери!

Рокси послушалась – притормозила, опять оказавшись чуть позади. Илья чувствовал, как начинает сдавливать виски – ближе к трем тысячам всегда становилось хуже. Надо было отвлечься, заставить мозг думать о другом, о чем-нибудь привычном и пустяшном. Илья представил свою любимую кружку: большую, с толстыми стенками и причудливо изогнутой ручкой. Женька даже нарисовала на ней смеющегося краба с рожком мороженого в клешне. Помогло, боль отступила, мир стал вокруг четче, и Илья оглянулся. Второй байк двигался ровно, не вихляясь, аккуратно выдерживая дистанцию. Уже и отмерянные двести метров прошли, и еще сто, но никаких явных приступов «глубинки» натренированный взгляд не замечал. Похоже, придется извиняться…

– Стоять! – заорал Илья, не успев додумать мысль – второй байк внезапно ускорился, решительно вырываясь вперед. – Стоять!

Рокси развернулась так жестко, что Илье почудилось, будто чужой байк жалобно взвыл, прося пощады. Сам он так резко среагировать не успел, чудом затормозив в последний момент и едва не влетев в остановившуюся Рокси. И замер. В грудь ему смотрел арбалет. Ведь не собирался близко подходить… Идиот!

Гарпун пробьет насквозь, его не остановят ни гидрокостюм, ни нашитые чешуйки антиграва, ни само тело. Даже из этого игрушечного арбалета на таком расстоянии стрела прошьет и выйдет с другой стороны. Илья завороженно смотрел на подрагивающий на спусковом крючке палец, не зная, что предпринять. Такой реакции он не ожидал. Рокси молчала, явно видя вместо Ильи что-то опасное, то, что надо обязательно пристрелить. Или вспороть брюхо, как только шелохнется. Но одно точно – никакой паники. Как и обещала.

Объяснять что-либо сейчас было бессмысленно. Сначала надо отвлечь, выдернуть из травмирующей обстановки, которую нафантазировал её мозг, и сделать это нежно.

– Рокси, пойдешь со мной на свидание?

– Что?

– На свидание, говорю, пойдешь? И не могла бы ты не тыкать в меня арбалетом?

Рокси дернулась, переводя взгляд на собственную руку.

– Опусти, пожалуйста, арбалет.

Сработало. Рокси медленно опустила руку и замерла

– Вот и молодец…

Илья выстегнулся, плавно соскользнул с сидения, в два сильных гребка оказался рядом с Рокси. На секунду завис рядом, давая своему защитному полю синхронизироваться с чужим, и протянул руку.

– Отдай мне оружие.

Рокси не среагировала, и Илья мысленно чертыхнулся, отлично представляя, как тяжело ей приходится. Как она пытается на чистом упрямстве и силе воли выдраться из вязкого кошмара, не понимая, что надо по-другому. Он тоже так сначала пытался.

Илья осторожно потянул арбалет на себя и облегченно выдохнул, когда Рокси подчинилась. Забрался на сидение позади нее и обнял, прижимая к себе.

– Все, все… уже не опасно. Тут никого нет, только мы с тобой.

Словно в подтверждение его слов в луч света метнулась рыба, вытаращив огромные глаза и растопырив плавники. Рокси дернулась, вырываясь, и Илья навалился со всей силы, заставляя согнуться, почти вдавливая лицом в приборную доску.

– Рокси, нет! Замри! Это я! Меня слушай!

Не пристегнутый арбалет выскользнул из руки, но Илье было не до него, удержать Рокси важнее. Не дать выхватить ножи и успокоить, пока она не решила, что Илья куда опасней мелкой рыбешки.

– Глаза закрой, – приказал Илья, почувствовав, что Рокси наконец перестала рваться. – Не смотри вокруг и держи меня за руку.

Илья отстегнул страховочный трос от пояса и пристегнул свой байк к байку Рокси. Вдвоем приходилось сидеть почти вертикально, и Илья, прежде чем тронуться, дисциплинированно дождался, пока экран вытянется вверх. Управлять одной рукой, да еще перегнувшись через пассажира, было на редкость неудобно, но отпустить Рокси он не рискнул, продолжая левой рукой прижимать к себе.

– Так что, куда мы пойдем на свидание?

– Какое свидание?

Голос Рокси звучал почти нормально, совсем не похоже на то каркающие «что», выдохнутое десять минут и двести метров назад.

– Ты мне обещала свидание.

– Я не обещала.

– Это мелочи. Чтоб я, да не уговорил девушку на свидание? Обижаешь!

– Потрясающе самомнение… Куда мы?

– Возвращаемся на лодку.

– Что? У нас зада…

– Задание мы обсудим на борту, а пока обсуждаем свидание. И не открывай глаза. Как насчет театра? Сто лет не был в театре. Тебе нравятся драмы? Или лучше выбрать что-то повеселее?

Рокси попыталась обернуться, но Илья не дал.

– Какой театр? Помолчи, мне надо сосредоточиться и подумать.

– Не надо, – испугался Илья. – Думать тебе точно не следует, вредно это. Давай думать я буду, а ты можешь рыбку какую-нибудь порезать. Когда вернемся. И… ты очень соблазнительно елозишь, но, может, мы продолжим на борту?

Что-то невразумительно буркнув, Рокси затихла, заодно выполнив последнюю просьбу. Илья, удовлетворенно кивнув, принялся рассуждать про гипотетическое свидание, не забывая отслеживать происходящее вокруг. Один арбалет он утопил, а два других остались на его байке, что совсем не радовало. Нет, акулы так часто не встречались, чтобы прямо каждый день и стройными рядами, но Илья без оружия под рукой чувствовал себя неуютно. Сказывалась многолетняя привычка ощущать коленом жесткий ствол арбалета – одно движение, и он уже в руке. Сейчас он коленом чувствовал только ногу Рокси. Да еще свои собственные ноги свободно болтались, что тоже не добавляло уверенности – ни быстро выпрямиться, ни развернуться толком, все силы уходят на то, чтобы удержаться.

До субмарины добрались спокойно, видимо, мироздание решило, что приключений для них хватит. «Пиранья» неподвижно висела там же, где ее оставили, а крупные фонари, встроенные в боковые крылья, заливали все вокруг желтым светом.

– Бери управление.

Подождав, пока Рокси возьмется за руль, Илья разжал руки, давая телу соскользнуть с сидения. Подплыл к собственному байку, всю дорогу тащившемуся за ними на страховочном тросе.

– Давай, загоняй в гараж.

Возвращаться на борт Илья пока не планировал, обоснованно полагая, что никакого внятного плана они не придумают. Нет другого выхода, ему придется идти одному. Чуда не случилось, и модификанты не сильно отличались от человека обычного, немодифицированного. Хотя, и это Илья был готов признать, держалась Рокси куда лучше стандартного туриста,

и в себя пришла быстрее, но погоды это не делало. А терять пару дней на объяснение очевидного Илья не хотел. Как и торчать здесь до бесконечности в компании падальщика. Так что лейтенанту придется смириться, и сделать это быстро.

– Так, за мной не ходить. Запомни, для тебя главное что-то видеть рядом. Дно, лодку, стену, то, за что мозг может зацепиться, что-то неподвижное и большое. Так что от лодки тоже не отплывай. А лучше сиди на борту.

– Что? – возмутился наушник, и через секунду Рокси показалась в шлюзе, уже без байка. – Куда ты собрался?

– Ну как же, – усмехнулся Илья. – У нас задание. Честь, отвага, верность слову и все такое. Пойду, выполню свой долг перед обществом.

– Стой! Одному нельзя по регламенту!

– Какая жалость, – согласился Илья, активируя байк. – Напиши на меня жалобу.

– Это нарушение правил безопасности!

– Безопасности? – восхитился Илья. – Ты меня сейчас чуть не убила! Чуть не сорвала операцию! Да ты не помощь, ты балласт! Учили ее! Учили, учили, да не выучили! Иди в рубку и сиди на попе ровно! – И зло припечатал, добивая: – И можешь оттуда руководить, я не против.

Рокси молчала, и Илья, пользуясь затянувшейся паузой, развернул аквабайк и направился к провалу. Но, спустившись на двести с небольшим метров, остановился: во-первых, на все эти прыжки туда-сюда они потратили почти час, и диоды на концах дыхательных трубок уже горели красным, сигнализируя об окончании работы, а во-вторых, следовало убедиться, что эта чокнутая не рванула за ним следом.

Илья выудил из гермы две запасные трубки и принялся их неспешно прикручивать на место старых. Океан вокруг был тих и неподвижен, видимо, Рокси решила отложить расправу над обнаглевшим чистильщиком до возвращения этого нахала на борт. Ну и хорошо. Илья, убедившись, что трубки заработали, сделал два глубоких вздоха и неспешно двинулся вниз. Главная проблема была решена, и торопиться было некуда.

С накатывающим страхом глубины Илья научился справляться давно и сравнительно легко. Но у него было свое персональное проклятье, которое он никогда не обсуждал на форумах и в пустых разговорах, считая его чистой воды сумасшествием. Его звала глубина. С каждым новым метром все сильнее и сильнее накатывало желание выкрутить ручку газа до упора, резко наклонить байк носом вниз и рвануть туда, в черную бесконечность. В глубину, которою он ни с кем не хотел делить, в ту, что обещала свободу и манила чем-то странным, запретным, надежно скрытым в густой темноте.

Первая цифра на экране опять сменилась, и Илья притормозил. Три тысячи – это его личный рубеж, за которым надо было себя контролировать особенно строго, чтобы случайно не воткнуться на полной скорости в океанское дно. С напарником ходить было проще, привычка следить за соседом у любого технодайвера появлялась почти сразу, но сейчас он был один, а значит, никто не заметит превышение скорости и неадекватные броски вниз.

– База, прием.

Умная система связи среагировала на ключевое слово и отправила вызов на лодку: если Рокси хватило ума вернуться на борт, то она ответит. Напарник не обязательно должен быть рядом.

– Слушаю.

Голос звучал приглушенно, сразу становилось понятно, что говорит лейтенант не в микрофон шлема. Илья представил, как Рокси недовольно смотрит на подпрыгнувший шарик модуля связи, и усмехнулся.

– Хватит злиться. Ну гражданский я, чего с меня возьмешь, мы плохо выполняем команду «сидеть». Поговори со мной, а? А то мне тут холодно и одиноко.

– О чем?

– Да о чем хочешь. – Далекий голос успокаивал, словно раздвигая узкие границы светового пятна впереди и отгоняя тьму. – А это правда, что вы уже взрослыми рождаетесь?

На этот раз наушник молчал чуть дольше, а затем возмутился:

– Астахов, ты вообще в школе учился?

– В начальной, – покладисто согласился Илья. – Так что? Врут?

И мама, и бабушка были врачами-генетиками с кучей регалий и научных степеней, а дед даже целым академиком. Илья как-то пытался читать его учебник – «Генная коррекция при аутоиммунных заболеваниях» – ничего не понял и плюнул, решив, что возиться с техникой ему нравится больше, чем с непонятными человеческими организмами. Но все его детство было наполнено маминими друзьями и жаркими спорам на научные темы. Маленький Илья пробирался на кухню, и, забравшись на колени к матери, тихо сидел, слушая непонятные (но интересные!) разговоры.

И частым предметом обсуждения был вопрос: что проще, поправить геном, починив забарахливший орган, или вырастить этот орган отдельно и поменять? То, что вырастить клон человека в инкубаторе можно, только очень затратно и долго, Илья знал. Как и то, что подобные эксперименты были запрещены Конвенцией от 2078 года, когда человечество окончательно решило, что можно генетикам, а что нельзя. Но кого сейчас волнуют древние законы?

– Астахов! Мы просто рождаемся! Нормальным путем!

– Не понял, – честно признался Илья. – А зачем тебе родители модификацию заказали? Да еще такую… специфическую.

Те, кому не повезло с собственной генетикой, но повезло иметь приличный счет в банке, могли оплатить вмешательство в ДНК своего ребенка на стадии эмбриона. Например, его родители тоже перестраховались и заказали коррекцию своим детям, убирая незначительную возможность унаследовать семейные болезни. Но никому в голову не пришло еще в довесок кости уплотнить или мышечную массу увеличить. Зачем?

– Это не родители.

Илья сверился с приборами и чуть уменьшил скорость.

– Не знал, что при поступлении в СБ надо модификацию пройти… Точнее не знал, что она возможна.

– Модификация проводится в первые четыре месяца жизни. Взрослому человеку так изменить ДНК без последствий нельзя.

Цифры прыгали, сменяя друг друга… четыре… пять… шесть… Илья тупо смотрел на экран, повторяя про себя меняющиеся цифры и не зная, что сказать. Если модификацию заказали не родители, и не сама Рокси, то…

– Рокси, а… ты помнишь своих родителей?

– Нет, – равнодушно отозвалась Рокси. – Меня забрали в соответствии с Поправкой номер восемьдесят семь.

Илья был уверен, что детей, рожденных вопреки закону о контроле рождаемости, отдавали приемным родителям. Сотни семей, не имеющих разрешения на рождение собственного ребенка, законопослушно стояли в очереди на усыновление. У них даже интернатов как таковых не было, только центры временного содержания несовершеннолетних. Существовала, правда, еще одна версия, что этих детей уничтожают – Городу не нужен генетический брак. Но Ян самим фактом своего существования опровергал эту кровожадную легенду. Лишь слепой мог бы решить, что чернокожие папа с мамой являются биологическими родителями однозначно принадлежащего к европейской расе Яна. Как-то раньше Илье не приходило в голову, что судьбы у этих детей могут быть разные. Как не думал он о границах генной коррекции… Но это же дикость! Одно дело нарушения, как у Яна, поправить, и другое – вот так… универсального бойца сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.